

Научная статья /
Research Article

<https://elibrary.ru/ABNKJN>
УДК 398
ББК 82.3

ГОРЕ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

© 2026 г. Т.А. Агапкина

*Институт славяноведения Российской академии
наук, Москва, Россия*

Дата поступления статьи: 12 января 2026 г.

Дата одобрения рецензентами: 23 марта 2026 г.

Дата публикации: 25 сентября 2026 г.

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2026-II-3-396-449>

Аннотация: В статье рассматривается слово-концепт «горе» — одно из ключевых слов традиционной картины мира, в той ее части, которая относится ко внутреннему миру человека. Анализируются основные слова этого концепта — *горе, горевать, горько и горький* — и их многочисленные дериваты. Все эти слова изучаются в совокупности их диалектной и контекстуальной семантики. В качестве материала для статьи привлекаются народнопоэтические жанры восточнославянского фольклора: песни о Горе, былины, баллады, лирические песни, похоронные и свадебные причитания, а также духовные стихи. Специфика каждого жанра в разработке концепта «горе» проявляется в разной насыщенности горестными эмоциями того или иного дискурса, а также в том, что отдельные жанры сосредоточиваются на разных этапах горя или его преодоления. В отличие от других концептов, относящихся к внутреннему миру человека, «горе» по сути находится вне аксиологической шкалы. «Горе» соотносится с двумя важнейшими понятиями традиционной культуры: с «жизнью»/«судьбой»/«участью», а также с «чужестью»: связь между ними обнаруживается практически во всех исследуемых жанрах. В фольклорном дискурсе слово *горе* и его дериваты чаще всего функционируют в составе большого количества словосочетаний и клише.

Ключевые слова: фольклор восточных славян, горе, концепт, былины, лирическая песня, причитания, пословицы, духовные стихи

Информация об авторе: Татьяна Алексеевна Агапкина — доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт славяноведения Российской академии наук, Ленинский пр., д. 32а, 119991 г. Москва, Россия.
<https://orcid.org/0000-0001-8098-7471>

E-mail: agapi-t@yandex.ru

Для цитирования: Агапкина Т.А. Горе в восточнославянском фольклоре // Studia Litterarum. 2026. Т. II, № 3. С. 398–449.
<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2026-II-3-398-449>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 11, no. 3, 2026

GORE (GRIEF) IN EAST SLAVIC FOLKLORE

© 2026, Tatiana A. Agapkina

*Institute of Slavic Countries of the Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia*

Received: January 12, 2026

Approved after reviewing: March 23, 2026

Date of publication: September 25, 2026

Abstract: The article examines the word-concept *gore* (grief)—one of the key words in the traditional East Slavic worldview, specifically in the part relating to the inner world of a person. The main words of this concept—*gore* (grief), *gorevat'* (to grieve), *gor'ko* (bitterly), and *gor'kiy* (bitter)—along with their numerous derivatives are analyzed. All these words are studied in terms of their dialectal and contextual semantics. The article draws on poetic genres of East Slavic folklore: songs about Grief, byliny, ballads, lyrical songs, funeral and wedding laments, as well as spiritual verses. The specificity of each genre in the development of the concept of *gore* (grief) is manifested in the varying intensity of sorrowful emotions in a given discourse, as well as in the fact that individual genres focus on different stages of grief or its overcoming. Unlike other concepts related to the inner world of a person, *gore* (grief) is essentially outside the axiological scale. *Gore* (grief) correlates with two of the most important concepts in traditional culture: “life”/“fate”/“destiny” and “otherness”; the connection between them can be found in almost all of the genres studied. Within folklore discourse, the word *gore* (grief) and its derivatives most often function as part of a large number of phrases and clichés.

Keywords: East Slavic folklore, *gore* (grief), concept, byliny, lyrical songs, lamentations, proverbs, spiritual verses

Information about the author: Tatyana A. Agapkina, DSc in Philology, Director of Research, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Leninsky ave., 32a, 119991 Moscow, Russia. <https://orcid.org/0000-0001-8098-7471>

E-mail: agapi-t@yandex.ru

For citation: Agapkina, T.A. “*Gore* (Grief) in East Slavic Folklore.” *Studia Litterarum*, vol. 11, no. 3, 2026, pp. 398–449. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2026-11-3-398-449>

Статья продолжает цикл работ автора, посвященных внутреннему миру человека как носителя традиционной культуры — каким его видит фольклор восточнославянских народов. К настоящему времени опубликовано около десятка аналогичных статей о *славе, гордости, воле, хитрости-мудрости, радости, зависти, тоске* и некоторых других словах-концептах. Здесь речь пойдет о слове *горе* во всем разнообразии его дериватов.

Горе занимает значительное место в словаре многих фольклорных жанров. Это слово выражает едва ли не самую сильную эмоцию, отражающую скорбь человека по поводу тех или иных трагических событий, своего рода высшую меру его страдания, поэтому, вероятно, основными эпитетами *горя* являются *великое* и *большое*. И хотя у каждого жанра и каждой фольклорной традиции есть своя специфика концепта «горе», проявляющаяся в отборе переживаний и событий, подпадающих под это понятие, и свой набор устойчивых оборотов для его выражения, тем не менее в масштабе восточнославянской традиции концепт выглядит достаточно цельным.

В фольклоре «горе» выражается через имена существительные, имена прилагательные, глаголы и наречия, причем количество вариантов соответствующих слов (производных от *горе*¹, *горький*, *горевать*, *горько*) в восточнославянских языках и диалектах весьма велико. Особенно разнообразны имена существительные, которые могут обозначать саму эмоцию (*горе, горесть, огорчение*, укр. *гіркота*, бел. *гора*), процесс ее переживания (рус. *горевание, гореваньице*, укр. *горюванне*, бел. *гараванне*), а также лиц, на долю которых эти переживания пришились (*горюха, горемыка*, укр. *горопаха*,

1 Этимологически *горе* происходит «из прасл. *gorje ср. р. 'беда, несчастье', 'боль, скорбь, печаль', межд. 'горе!' <...> от глаг. *gorěti» [1, вып. 1, с. 239].

горувальница, бел. *гаротнік* и др.), и глаголы, выражающие тот же процесс горевания (рус. *горевать*, диал. *взгореваться*, укр. *горювати*, бел. *гараваць*). По ходу статьи я буду обращать внимание на варианты основных слов лексического гнезда *горе*, однако перечислить их где-то в одном месте кажется избыточным. Для фольклорного дискурса «горя» также характерно большое количество устойчивых выражений и словосочетаний с использованием этих слов и их вариантов, с помощью которых описываются разные состояния горя, формы горевания и способы его преодоления (*пособить горю*, *не знать горя*, *мыкать горе* и мн. др.).

Слово *горе* имеет два основных значения — ‘душевное страдание, глубокая печаль, скорбь’, а также ‘событие, обстоятельство, вызывающее душевные страдания, скорбь’ [96, т. 1, с. 333], т. е. фактическую основу для тяжелых переживаний. Такое соединение двух значений, относящихся к явлениям, которые принадлежат к разным классам, создает принципиальную полисемию многих контекстов с использованием этого слова и его производных, когда невозможно точно сказать, имеется ли в виду некое трагическое событие или его переживание человеком. К этим двум значениям добавляется третье, передаваемое рус. диал. *góre* ‘большая беда’ [94, т. 7, с. 30], ‘плохо, бедственно’ [97, т. 5, с. 169–170] и т. п., которое часто, в том числе в фольклоре, выступает в функции возгласа и междометия *горе!*

Учитывая многозначность фольклорного слова, его семантическую неопределенность и диффузность значений, я полагаю, что слова-концепты необходимо рассматривать в совокупности языковой (диалектной) и контекстной семантики, поэтому к фольклорным источникам в статье добавляются данные диалектных словарей.

При исследовании слов-концептов я исхожу из того, что специфика фольклорного слова в значительной мере определяется приоритетами соответствующих жанров (в частности, С.Е. Никитина называет это жанровой концептуализацией фольклорного мира [8, с. 36]) и что важнейшие слова традиционной культуры реализуются в фольклорных текстах как их жанровые проекции, которые значительно разнятся при переходе от жанра к жанру. Через язык разных фольклорных жанров я пытаюсь выявить и осмыслить важнейшие понятия и категории, определяющие напряженную внутреннюю жизнь традиционного человека в его «фольклорном» преломлении, поэтому к описанию каждого слова-концепта привлекается

по возможности максимально широкий круг текстов изучаемого жанра. В попытке каким-то образом ограничить масштабы работы слово-концепт *горе* рассматривается лишь в поэтических жанрах былины, баллады, лирической песни, похоронной и свадебной причеты и духовного стиха, а также в разножанровых песнях о Горе; другие жанры я не затрагиваю.

При отборе материала для исследования культурной семантики фольклорного слова здесь и в других статьях цикла я отдаю приоритет самым надежным, полноценным и проверенным временем источникам, однако при этом не ограничиваюсь ими, а привлекаю также менее известные издания, которые значительно расширяют смысловой диапазон того или иного слова-концепта. При этом источники, надежность которых вызывает сомнение, мною, разумеется, не используются.

В восточнославянском фольклоре известны так называемые **песни о Горе**. В этих песнях судьба предстает в образе персонализированного Горя, преследующего человека, который не может убежать от него. Эти песни относятся исследователями и собирателями к разным жанрам — былинам, духовным стихам, балладам, причитаниям, покаянным стихам и даже к лирическим песням. В России они встречаются довольно широко, в разных регионах севера, центра и юга европейской части, а также в Сибири. Имеющие прямые переключки с «Повестью о Горе-Злочастии», анонимным произведением, известным в единственном списке XVIII в., песни о Горе всегда вызывали большой интерес и получили широкое освещение в научной литературе XIX–XX вв.² Песни о Горе насчитывают десятки опубликованных вариантов; наиболее интересные и полноценные из них собраны в дополнении к изданию этой повести (см.: [77]).

Как отмечал Б.Н. Путилов, образ Гора «можно трактовать и как персонификацию судьбы, доли, тяготеющей над человеком и определяющей его жизнь, и как поэтическое воплощение социального зла, житейских неурядиц, преследующих человека» [85, с. 269]. В контексте первой трактовки о Горе говорится в песнях в том духе, что оно было предначертано человеку: «На роду ли мне горё уписано, / На делу ли ты мне, горё, доставалосе, / В жеребью ли ты мне, горюшко, повыпало?» [25, с. 159].

² Наиболее обстоятельное исследование и обзор основных вариантов см.: [12]; подробную литературу, исчисляемую едва ли не сотней работ, см. в ст.: [9].

Особенность песен о Горе — не только в их разножанровой атрибуции, но и в том, что по сути все эти песни имеют один сюжет, представленный несколькими версиями. В.Ф. Ржига отмечал наличие лирических и лиро-эпических версий песен, а Б.Н. Путилов — более пространных и кратких. Пространные версии песен о Горе отличаются развитой вступительной частью, в которой обосновываются причины попадания молодца под власть Гoria (обычно это его разгульная жизнь, хвастовство или подстрекательство со стороны Гoria). В кратких версиях причины опущены, сюжет начинается с преследования молодца Горем и развивается в русле перечисления неудачных попыток молодца избавиться от него. Именно этих последних версий, описывающих немотивированное приставание Гoria к человеку и его преследование, начитывается больше всего, а среди белорусских баллад известна практически только эта версия, в то время как пространные версии песни — довольно редкие и самые ранние.

В русских песнях заметное место занимают эпизоды превращения молодца и Гoria в разных животных (волк и собака, сокол и ворон; птица-гоголь, сорока, лебедь, голубь, соловей, утица, «гортосталюшко», зайка, «львовишко», рыба-щука, червь), обернувшись которыми молодец пытается убежать от Гoria, а Горе догоняет его. Преследуемый Горем человек решается на отчаянные поступки: девушка, например, выходит замуж, что, впрочем, ее не спасает: «Куда ж мне от горя бежать? / — Я от горя замуж уйду, — / За мной горе в приданое», или уходит в сыру землю [109, т. 1, вып. 1, с. 797]. Заканчивается песня смертью молодца («Вот тут горе миновалось!» [33, т. 1, № 447]), в похоронах которого Горе активно «участвует», или, реже, уходом молодца «во солдатушки» или в монастырь.

В песнях о Горе внимание привлекает несколько аспектов. Во-первых, Горе субъектно: оно преследует героя, действуя разными способами, в том числе перевоплощаясь в животных персонажей: Горе одевается, подпоясывается, обувается; оно сидит, ходит, кланяется, бежит, носит разные предметы вслед за молодцем, летает, скачет, «брячит грошами» и даже хоронит молодца; разговаривает, кричит, смеется, плачет, велит молодцу что-нибудь делать и т. д. Во-вторых, в некоторых песнях Горе наделяется отдельными «биографическими» чертами, в частности сообщается о том, где оно зародилось: «Отчего ты, Горе, зародилось? / Зародилось Горе от сырой земли, / Из-под камешка, из-под серого, / Из-под кустышка с-под раки-

това» [79, ч. 4, с. 470]. Отдельные детали усиливают впечатление нарочитой невзрачности Горя: оно «во отопочках идет пободувши, / Мочалиной подпояхавши» [89, с. 128]; «Во лаптишечки Горе пообулося, / В рогозиночки Горе понаделоса, / Понаделоса, тонкой личинкой подпоясалось» [79, ч. 1, № 84].

Существенный для олицетворения Горя момент — это его поло-родовая «идентификация». Хотя чаще слово *Горе* сохраняет в песнях средний род, в отдельных текстах оно может персонифицироваться по мужскому или, реже, женскому роду, что выразится прежде всего в формах муж. и жен. р. глаголов в прошедшем времени (*залез, пошел, привязался* и др.), а также страдательных причастий прошедшего времени. По мнению Я.И. Гина, «причиной маскулинизации является ассимиляция Горя с молодцем» ([2, с. 92–93], см. там же литературу вопроса). Что касается женского рода, то он порой присваивается Горю все зависимости от пола основного героя, в том числе в тех случаях, когда герой — молодец: «Из-под бережка, из-под крутова / Выходила Горе, / Она лычком подпоясына, / Ремнем подобута, / То-то, братцы, Горя замоталася, / К доброму молодцу привязалася» [109, т. I, вып. 2, с. 798].

В песнях смысл концепта «горе» обнаруживается через три группы глаголов.

– Глаголы, описывающие преследование молодца Горем. Это глаголы *привязаться*: «а тут да к добру молодцу да Горе привязалоси» [71, с. 886, № 177], также передающий надежду молодца на то, что к слабому и плохенькому человеку Горе *не привяжется* [19, № 102]; *навязаться*: «Уж ты где, Горе, не моталоса? / На меня, бедную, навязывалоса!» [33, т. I, № 443]; *доступить (до человека)*: «Горе в след идет, само говорить: / — Я поля прижну, тебя доступлю» [79, ч. I, № 83]; а также *приставать, идти в след* и др.

– Глаголы, описывающие попытки человека избежать Горя: *избыть горе, (не) уйти от горя, (не) сбегати от горя* и др.: «Как мне горе избыть!» [33, т. I, № 443], и одновременно невозможность это сделать: «от Горя деться некуды» [79, ч. 2, № 187].

– Наконец, более редкие глаголы, определяющие особенности преодоления Горя молодцем. Обычно это приставочные варианты совершенного вида от глагола *мыкать (горе)* (о самом этом глаголе см. ниже), *горевать* и некоторые др. Эти глаголы, как мне представляется, имеют значение

‘пережить горе, справиться с ним, жить в состоянии горя, одолевая его’, ср. *преизмыкать горе*: к «худому-то горюшко не прывяжыцэ; / Как прывяжыцэ горюшко ко хорошему, / Как которой можот горюшко преизмыкати» [19, № 102 (406)], а также *выгоревать*: «Горе в след идет <...> / Устоялося, розсмеялося: / — Уж ты дочь моя родная! / — Ты умела горюшко *повыгоревать*» [79, ч. 1, № 83].

Песни о Горе, известные среди белорусских баллад, записаны преимущественно на востоке, в Витебской, Могилевской и Гомельской обл., что скорее всего указывает на единство русско-белорусской традиции этого сюжета. Поскольку для белорусского языка и диалектов слово *гора* является не самой распространенной лексической единицей для выражения тяжелых переживаний, а чаще здесь используется слово *бяды* и др., то и в белорусских балладах вместо *гора* иногда появляется пара «бяды и гора» [22, кн. 1, № 463]. В отличие от русских версий, в белорусских балладах отсутствует, за редкими исключениями, предыстория молодца или девушки (с описанием причин их попадания под власть Гора), а остается лишь разработанная сюжетная линия преследования человека Горем, которое так же, как в русских песнях, не отстает от человека, отправляясь за ним в море, леса и поля, в небо и оборачиваясь зверями (волком, конь) и птицами (селезень, соловей). Как и в русских песнях, Горе крайне непривлекательно: «Яно й голае, яно й босае, / Яно лычачкам падпяразана, / А мачулачкай засцягнута» [22, кн. 1, № 471]. Горе субъектно в том смысле, что оно совершает осмысленные действия: преследуя молодца или девушку во всех сферах жизни и деятельности, оно бежит, плывет, летает, ловит молодца в воде неводом, как рыбу, разговаривает, смеется и т. д., однако грамматически Горе всегда сохраняет форму ср. рода, не маскулинизируется и не феминизируется, как в некоторых русских вариантах.

Человек пытается не только убежать от Гора (или горькой доли — *ліха доля, горка доля*), но также избавиться от него по-другому, например продать: «Да прынясу ж я горкую долю / К месту прадаваці, / Ды людзі знаюць маю долю, / Не йдуць купаваці» [22, кн. 1, № 469]. Тем не менее в итоге единственным надежным способом одолеть Горе, как и в русских песнях, оказывается смерть: «Эй, пайду з гора да Дунай-ракі, / За мной гора із чаўном, із вяслом. / Эй, красна дзеўка здагадалася, / У сыру зямлю захавалася» [22, кн. 1, № 464].

Что касается украинских вариантов, то, как отмечал В.Ф. Ржига, их было известно всего четыре (два полтавских, один волынский и один подольский): и «хотя Горе заменяется в них лихой или злой долей, но так как они развивают тот же мотив ее неизбежности, то должны быть приняты во внимание» [12, с. 290]. Однако, учитывая, что в основе моего исследования лежат именно слова-концепты, я оставляю эти украинские варианты в стороне.

* * *

Русские и белорусские песни о Горе в их разножанровых вариантах фактически приравнивают Горе к судьбе, указывая на неизбежность последней (несмотря на, казалось бы, присутствие мотивирующих эту судьбу событий) и невозможность изменения жизненного пути человека. Тем самым эти песни выводят слово *горе* за рамки трех его основных словарных значений, о которых упоминалось в начале статьи, добавляя к ним четвертое — ‘судьба, доля’. И хотя другие жанры, как будет показано ниже, также активно эксплуатируют тему горя как доли и даже жизни, именно в песнях о Горе эта тема достигает своего пика.

В песнях о Горе присутствует еще один, не самый очевидный, скорее глубинный, сюжетный план. Горе как судьба, фатум представляется в этих песнях не только испытанием, посланным человеку, и даже наказанием за его неразумное поведение, но также и своего рода судьей, который оценивает способность молодца совладать с судьбой и вынести выпавшие ему испытания. Пойманный Горем и, казалось бы, такой слабый и непутевый человек, как молодец, тем не менее всю жизнь трудится не покладая рук — «задается» на двенадцать лет к купцу, идет в солдаты, наживает «бессчетную» казну, пашет, сеет, ловит рыбу, рубит дрова, косит траву и т. д., хотя основным его занятием, конечно же, остается проматывание денег в кабаках (в русских вариантах) и/или убежание от Горя (в русских и белорусских).

В этой связи важно отметить еще один момент песен о Горе, а именно одобрение, которое Горе адресует человеку. Горе прямо хвалит молодца и благодарит его за то, что тот сумел справиться с судьбой (*преизмыкать горе*). Вот как передается эта реакция Горя на смерть молодца:

Бяда і гора раскакаліся, / Бяда і гора расплясаліся. / Харош быў, прыгож добры моладзец: / Ен голы хадзіў — не саромеўся, / Ен галодзен быў — а ўсё весел быў [22, кн. 1, № 463]; И тебе спасибо, добрый молодец, / И как умел на сём свети Горя помыкати [71, с. 885, № 177]; А умел молодец да горё мыкати [80, № 82].

Та же мысль высказана в песнях о Горе и через поговорку-припевку «в горе жить, некручинну быть» (аналогичную той, что есть в «Повести о Горе-Злочастии»), которая, как завет, требует от молодца не поддаваться унынию в горе и не стыдиться своей нищеты:

А в горе жить — некручинну быть, / Нагому ходить — не стыдиться [45, с. 198]; То спасибо, удача-добрый-молодец, / Что носил горе, не кручинился и не печалился! [89, с. 130].

Такие песенные высказывания создают в итоге амбивалетный образ Горя — не только как злой судьбы, но и как своего рода посланника, который доносит до человека положенные на его долю испытания и, преследуя того всю жизнь, как бы проверяет молодца на прочность.

В былинах, думах и исторических песнях горе обычно вызвано трагическими и драматическими событиями, хотя некоторые различия между этими жанрами, конечно, имеются. Для них провоцирующими горе ситуациями являются как собственно эпические эпизоды, такие как:

– прощание героя с жизнью или с дружиной: «А й как тут он еще взимал с собой свои гусёлка яровчаты, / А й заплакал горько, прощался ён с дружинужкой хороброю, / А й прощался ён топеречку со всим да со белым светом» ([71, с. 395], «Садко»);

– убийство или смерть родного человека или соратника: «Ужахнулось тут Яким да свет Иванович <...> / “Ой же, горюшко мое великое, / Несцясьицо превеликое, / Убил-то погубил я брата-то всё крестового, / Как крестового, Алёшеньку Поповиця!”» ([31, т. 1, с. 294], «Алеша и Тугарин Змеевич»);

– отсутствие помощников и советчиков: «Тут-то князь и опечалился, / Да сам-то говорит да таково слово: / “Кабы был по прежнему Илья

казак, / Илья казак, Илья Муромец / (Илья-то Муромец в погребѣ ведь за-
сажон был), / Пособил-ка мне да думу думати <...> / Думу думати да горе
мыкати”» ([32, с. 175], «Про татарское нашествие»);

так и вполне обыденные жизненные моменты:

– потеря близкого или кормильца: «А велико горе ему же приключи-
чилось: / А и заболела у его да родна матушка, / Заболела она да всё скон-
чалася, / Воставила своего она да дитя малого» ([31, т. 2, с. 364], «Про Оле-
шиньку»);

– утрата имущества: «Я, доброхот мой, вдова сама несчастная, / У миня
та мужа нет в живых <...> / А *это горюшко большо у мя*, — / Ребетишочка
остались <...> / Дак то горюшко с нима же жить. <На эту жалобу царь велит
Меньшикову отдать свой дом вдове:> Погоревал-то князь ведь же Меньши-
ков / Со своей же вон княгинею, / Со свойима малыма со деточками <...> /
От оставили они дом-от тот ([31, т. 2, с. 685], «Меньшиков и Балакирев»);

– женское одиночество, в том числе в результате неправильного вы-
бора партнера: «Прохмелилася царица, прослезилася: / “Эдака горька го-
рюша несчастная, / Я несчастная царица неталанная! / Я от бережка нонь
отшатнулася, / И к другому теперь не прикачнулася!”» ([79, ч. 1, вып. 2,
с. 473], «Царь Соломан и Василий Окульевич»);

– предательство близких, измены: «Дунай, убив Настасью с их nero-
дившимися детьми, заколол себя: Как с того-то всё горя Дунаюшко с вели-
кого / Он скавал себе два ножицька укладных, / Закололсо он на ножиць-
ках булатных» ([25, с. 86], «Женитьба Дуная»);

– другие события и страсти, которыми полна жизнь эпического пер-
сонажа, как и любого другого фольклорного героя: «Горемычно стало Шар-
ку-великану свою жизнь коротати, / Свою буйну голову по сырой земле
таскати. / А вот перьвое-то горе — пал его могучий конь; / А второе того
горе — изломался его тяжелый меч; / А третье-то горе — обуяла им страсть
победная, / Приглянулася ему Марья, Лебедь Белая ([79, ч. 3, с. 128], «Пагу-
ба Гусино Пленковича Шарком великаном»).

Последний пример убедительно показывает, как органично в фольк-
лорном тексте уживаются два базовых значения слов на *гор-*: обознача-
ющих, с одной стороны, страдание и скорбь (*горемычно стало Шарку*), а
с другой — сами события, вызывающее эти душевные страдания (*перьвое-
то горе*).

Таким образом, в былинах и исторических песнях горе встречается нечасто (видимо, прежде всего потому, что эта эмоция плохо вписывается в героический контекст, связанный с защитой Руси и битвой с антигероями). Горе проявляется в основном в повседневно-бытовых ситуациях, в отношениях между обычными людьми, неспецифичных для эпоса и в большей степени характерных для лиро-эпических и лирических жанров.

В **балладах** горе гораздо многограннее, и ситуаций, в которых у персонажа есть причины его переживать, значительно больше. Я выделила пять основных тем восточнославянских баллад, в которых находится место этой эмоции. Одной из них является одиночество — вдов и сирот, женщин и мужчин.

– Женщина оплакивает свою судьбу, оставившую ее одинокой: «Тогда вдовушка приросплакалась <...> / “Ах ты, горюшко, моё горюшко, / Велико горе несчастное! <...> / Я от мужа вдовой младой приосталасе”» ([31, т. 2, с. 278], «Вдова и братья корабельщики»).

– Женщина расстается с жизнью от одиночества и разлуки с любимым: «А и вот тужила вдова же, много плакала <...> / С того горюшка хотела подавитисе, / Хотела в Непр соскочити, / Вот соскочити да утопитисе» ([31, т. 2, с. 279], «Морянка»); «Не сама я в воду впала, / А з тоски та з горя: / Мене милый покидае — / Така моя доля, гей! [20, с. 254].

– Молодой человек остается сиротой и не может противиться житейским соблазнам: «Помирал-то купец да в молодых летах, / Оставлял он именье своему сыну <...> С того горюшка сынок купеческой / Полюбил-то он пить да сладку водочку» ([65, с. 279], «Крестовый брат»).

– Муж или возлюбленный уезжает, оставляя дома горющую женщину: «Поїхав козаченько на польованне, / Покинув Анусю на горьованне. / — Горюй, горюй, Ганусеньку, хоць рочок, хоць два, / А на третій, а на третій приїду я сам» [21, с. 46].

Другой темой баллад, в которой находится место таким тяжелым переживаниям, является несправедливая судьба, своего рода неравное распределение доли между родными людьми.

– Сестра жалуется на то, что доля была неравно поделена между ней и сестрой: «Одна, сестро, мати породила, / Та не одну долю поділила: / Тобі

дала долю багатую, / Мені дала долю нещасную. / Тоїї дала долю панувати, / Мені дала долю горювати» [21, с. 400].

Третья тема — разлука с близкими и жизнь на чужбине.

— Солдаты хотят вернуться домой с царем: «Ты возьми-ко, возьми, царь белый, нас с собою, / А не возмешь ты нас, батюшка, с собою, / Уж не быть-то нам, горьким, живыми на свете» ([85, с. 253], «Царь Петр в земле шведской»).

— Мать, отдавая дочку замуж в чужие края, не велит возвращаться домой: «Аддавала йна, шчэ й прыказвала / У гасцях не бываці, / А як будзеш ты ў горы ці бядзе, / То не йдзі да хаты» [22, кн. I, с. 108].

Четвертая тема — несчастная любовь, брак не по любви.

— Лирический герой жалуется на то, что у него отняли возлюбленную: «Як же мені, мамо, веселому бути: / Любив я дівчину, гей, висватали люди, / Чорні брови маю, гей, та й не оженюся. / Паду до річеньки, гей, з горя утоплюся» [20, с. 414].

И, наконец, последняя, причем весьма заметная, тема баллад — потеря девушки невинности, девушка-мать.

— Девушка в корчме танцует перед тем, как потерять невинность: «Повіджете, младеньци, котрий з вас младенец, / Што го мають вішац за дівочий венец? <...> / Препекна Гануся в корчмі сой таньцуе, / Дома отець-мати горенько бануе» [20, с. 403].

— Девушка желает смерти новорожденному ребенку: девушка спрашивает милого друга, как «горе горевать, на кого беда сказать». Молодец просит сказать на солдата — тот в походе, либо на купца — тот в торговле, или на сержанта — тот в дороге; девушка плачет и, укачивая ребенка, проклиная его [14, с. 19].

— Девушка топит незаконнорожденного ребенка: «Як паехаў пан каралевіч на Русь ваяваць, / Пакінуў Марусечку гора гараваць. / Марусечка гора гаравала, сына радзіла, / У пялёначку спавіла і ў Дунай пусціла» ([22, кн. 2, с. 179], бел.).

Иными словами, баллады, как и былины, обнаруживают горе в конкретных жизненных ситуациях, связанных с межличностными отношениями, прежде всего отношениями между возлюбленными и членами одной семьи.

Песни о Горе, былины и отчасти баллады отличаются от остальных фольклорных жанров, в которых концепт «горе» представлен более широко, — таких как лирические песни, похоронные и свадебные причитания, хотя тексты лирических жанров содержат значительно меньше сюжетной конкретики. В свою очередь, в лирических жанрах, по сравнению с рассмотренными выше, в разы возрастает количество устойчивых выражений (обычно глагольно-именных, с опорным словом *горе* и его дериватами), и именно на них в значительной мере и строится лирическая сюжетика. Было бы неверным утверждать, что подобные устойчивые выражения типа *пособить горю* или *делать что-то с горя*, являясь общезыковыми, неизвестны в эпосе или паремиях, но в лирике такого рода клише, повторю, во много раз больше.

Лирические песни в целом остаются в русле тематических доминант, которые были намечены в былинах и прежде всего балладах, с той лишь разницей, что в лирике эти темы распадаются на множество лирических ситуаций, и каждая из них содержит в себе повод для проявления чувств, среди которых горе оказывается едва ли не самым главным³.

Сначала остановлюсь на общих аспектах концепта «горе» в народной лирике.

Первое. При сопоставлении лирических песен с песнями о Горе обращает на себя внимание то же отождествление горя и судьбы и даже самой жизни. Выражение *горе горевать* обозначает просто 'жить': «Ци мне тебе, сынку, в войско отдаващи. / Ци оставиць с собою горе гореваци?» [26, с. 261], либо чаще становится в параллель с *жить*, образуя бином или даже трином: «Ах як наша бездоляница у чужой стороне / Да ци живець, ци горюець, ци беду бедуець» ([26, с. 266], о замужней сестре); «Та ти ж мое серденько! / Та будем говорити, / Як нам в світі жити, / Та будем промовляти, / Як нам горювати» [20, с. 97].

Второе. В рамках широкого лирического дискурса горе соплагается с чужбиной (чужой стороной, семьей, чужими людьми). Эта соотнесенность присутствует во всех традициях (см. рус.: «В чужих людях живучись, / Много горя видучись» [33, т. 2, с. 160]), однако именно в украинской

³ По наблюдениям курских фольклористов, в русской лирической песне *горе* входит в состав первых ста частотных лексем [3, с. 40].

лирике она раскрывается наиболее широко. Основной мотив — «человеку плохо одному на чужбине»:

– молодой женщине трудно на чужбине без близких: «Горе мені на чужині: зовуть мене заволокою, / Велять мені річку брести широкою та глибокою» [11, с. 371];

– сын уходит в солдаты и там пропадает: «Ой мамо, мамусю, чужа стороночка. / Ой якби ти знала, яке мені горе, / То ти б переплила через сине море» [81, с. 268].

Трудности одиночества на чужбине символизирует камень, по тяжести сопоставимый с такой жизнью: «Чорна хмара в полонині, горе жити на чужині. / На чужині горе жити, легше камінь підойнети» ([38, с. 287], Волын.).

Замечу попутно, что сопряженность *горя* и *чужести* типична и для других лирических жанров, в частности для сиротских песен, похоронных и рекрутских причитаний:

А як тяжко каменеви по води пливати, / Так сироти на чужині горе пробувати ([51, с. 75], сиротские вирши); атставил ты мене, милый друх, с младасти горя горивать и чужия двory мне считать ([43, с. 293], Калуж., жена провожает мужа в солдаты); Діточки мої милиї — сироточки безчастні! / Доведеть ся вам горювати, своє хозяйство потеряти. / Наскучить вам, чужі воли пасучи — чужим людям годячи ([90, № 142], Полтав.).

Третье. Горю присуща некая материальность, «вещность» (как и в песнях о Горе). Его пытается отнести вода: «Теки, теки, реценька, теки, рецька быстрая, / Возьми горюшко, горе с собой <...> / Што ль то прибило горе, пришатнуло / <...> / Ко милому горе под окно» ([78, с. 172], Олонец.), или покрыть снег: «Снежки белые, пушисты / Покрывали все поля; / Одного лишь не покрыли / Горя люта моего» [78, с. 159]. Материальная природа горя усматривается в известном украинской и белорусской песенности мотиве «чують горе», ср. бел. *чуць*, укр. *чути* «слышать; ощущать, чувствовать»:

Із-за моря ветер сповіває. / Мати дочку, ой про життя питає. / Спитай мати сірово утяти / Сіре утя, ой, на морі ночує. / Воно моє усе горенько чує

([106, с. 138], Харьков.); А бацечка, а родненькі <...> / Ці ж ты нашага *горачка* не чуеш, / Што мы бедныя гаруем ([73, № 188], бел. похоронное причитание).

Материальность горя выражена среди прочего в мотиве сеяния горя, известном еще по «Слову о полку Игореве», впрочем, без использования слова «горе» (ср.: «Жля поскочи по Руской земли, смагу людем *мычючи* въ пламянѣ розѣ <...>» [Жля помчалась по Русской земле, сея горе людям из огненного рога] [13, с. 287])⁴, и позже неоднократно отмеченном в песнях⁵:

Ой, пасею свае гора / Па чыстаму полю. / Расці, расці, мае гора, / Травой, муравую [75, с. 140],

в похоронных причитаниях:

Ой, уж как я-то, горющиця. / Ой, я горем горе-горьким, / Ой, все поля призясила, / Ой, я и речки ти быстрая. / Ой, всё слезам все заполнила. / Ой, без родимые мамушки! [50, с. 105],

и даже в свадебной лирике, где его появление мотивировано предстоящим отъездом невесты на чужбину, одиночеством невесты-сироты, лживыми обещаниями сваты и другими страхами и опасностями, к которым готовится невеста, покидающая родных:

Есть у меня, у красной девицы, / Есть горя много, кручинушки, / Три поля горя пасеяно, / Три горы есть понакачено, / Не с кем горюшка измыкати, — / Кручины не с кем убавити ([79, ч. 4, с. 126–127], сиротский плач на могиле перед свадьбой); Уж не хвастай-ко ты, свахонька <...> / Как у вашего боярина / Три польца горя насеяно, кручинушкой огорожено ([17, с. 48], Костром.).

4 Как отмечает комментатор «Слова» О.В. Творогов, «этот метафорический образ не совсем ясен; выражение “смагу мыкать” — “терпеть лишения”, “испытывать невзгоды” до сих пор сохранилось в народных говорах Брянщины» [13, с. 305]. В.А. Козырев на основе изучения соответствующей брянской лексики пришел к несколько иному переводу фрагмента: «За ним кликнула скорбь, и печаль посакала по Русской земле, горе людям мыкая в пламенном роге» [5, с. 86].

5 В один ряд с образом засеяного горем поля О. Миллер, обративший на него внимание, поставил целый ряд образов-эмоций (*туга, беда, неволя* и др.), которыми человек страдающий, обычно несчастная девушка, засеивает землю [6, с. XVIII].

Наконец, есть еще один момент, касающийся «вещности» горя, — это его «измеримость». Учитывая рус. литер. *горький* ‘исполненный тягот, невзгод, горя, тяжелый’, *горший* ‘худший’, рус. диал. *горе, горее* ‘хуже, тяжелее’ [94, т. 7, с. 31], бел. *гора* «беда, несчастье», *гори* «хуже» [68, с. 118], укр. *горе* «плохо, беда кому-н., чему-н.; с кем-н., чем-н.», укр. *гірше* «хуже» [98, т. 2, с. 128] и др., *горе* может означать нечто плохое, в том числе в разной степени его интенсивности, откуда берутся такие, например, контексты:

– «У батьки жила, девочка, горе бачила, / Замуж вийшла красная, ще й погóрало» ([84, с. 136], Гомел.), где *погóрало*, видимо, означает «стало хуже, тяжелее, исполнилось бóльших страданий»;

– «...гей, горе тому та нежонатому. / А ще гірше тому, а хто кого любить, гей, / Стисне до серденька та ще й приголубить» ([82, с. 256], укр.), где *гірше* передает то же значение, что и в предыдущем примере;

– «Перша гора, што дзяціна малая, / А другое гора, што свякроўка ліхая. / А трэцяе гора, што мой мілы гняулівы» ([102, с. 51], бел.), где *горе* как причина страданий молодой женщины оказывается исчислимым.

От общих характеристик «горя» в лирической песне перейду к глагольно-именным словосочетаниям, с помощью которых в текстах этого жанра описываются взаимоотношения «горя» и человека, когда человек испытывает и переживает горе. Иногда эти отношения выражает глагол *горевать* в значении ‘быть в горе, предаваться горю, страдать’:

Ой як бы мени та орлови крыла, / Полетив бы, одвидав бы, як горює
мыла ([63, с. 62], укр.); Печальное сердечушко безпрестанно тужит, / Тоскує-горює, все по прежней воле [33, т. 5, № 571].

Такие словосочетания присутствуют практически во всех жанрах восточнославянского фольклора, с некоторыми перераспределениями в пользу тех или иных словосочетаний между отдельными жанрами. Их можно разделить на три группы.

Первая передает значения ‘жить в состоянии горя’, ‘предаваться горю’, ‘терпеть горе’ и т. п. В лирических песнях словосочетаний с такими значениями немного, что в целом отвечает драматическому, но не трагическому пафосу этих песен. Одно, пожалуй, самое нейтральное выражение —

‘(не) знать, (не) познать горе’, получило распространение преимущественно в белорусской и украинской лирике:

Дазволь, татулька, жаніцца, узяць, каго люблю. / — Жанісь, жанісь, мой сыночку, бяры багатага дачку. / — Багатая-рагатая будзе мяне праклінаць, / А бедная гора знае, будзе мяне шанаваць ([74, с. 248], бел.); Гей, кому воля, а кому неволя, / Ой ніхто не знае бурлацкаго гора ([81, с. 278], укр.).

И другое — ‘оставить в горе / на горе’, означающее скорее ‘оставить в одиночестве’, что можно рассматривать не только как эмоцию, но и как предвестие горя как события:

Оставляешь меня в горе, / Как кораблик в море [33, т. 3, с. 200]; Пофхав Ивасенько на полованье, / Лишив свою милу на горёванье ([66, т. 1, с. 181], укр.).

Вторую группу составляют словосочетания со значением ‘сделать что-то с горя / от горя / в горе’. Они объясняют причины поступков человека, погруженного в горе, которые приводят к тяжелым последствиям самого этого состояния или вызвавших его событий.

– Девушка стыдится любить и воспринимает любовь как горе: «Мне того стало стыднее / Молодца-парня любить. / Я с того горя, с кручины, / Пролила слезы из глаз» [30, с. 257].

– Девушка отказывается бросить парня, предпочитая пропасть от любви: «Хочь бій, мати, хочь лай, мати, — то не розлюблюся: / Лучче сгину с горя, бедна — ніж с ним розлучуся!» ([61, с. 78], укр.).

– Парень женится с горя и страдает от жены: «Ажаніся, хлопча, з гора, ой, Божа мой!.. / Навек жонкай удавіўся, ой, Божа мой!» ([74, с. 126], бел.).

– Девушка остается одна и с горя собирается замуж за нелюбимого: «Увезут-то дружка во солдатики <...> / Убегу я с горяшка замуж, / Я не за милого ли да дружка» [59, с. 93].

– Лирический герой готов расстаться жизнью от горя: «Як дадому я вярнуся, / Да каго я прыгарнуся? / Жонкі не маю, дзеўка не прымае — / Пайду з гора ды утаплюся» ([74, с. 220], бел.).

Наконец, в третью группу входят словосочетания, которых объединяют такие значения, как 'преодолеть горе; справиться с горем; избыть горе' или, напротив, 'не иметь возможности сделать этого':

– *помочь горю*: «Я не знаю, я не знай, чему быти, / Злому горю пособи-пособити <...> / Как с дружкой, да мне мириться. / Мне самой с дружкой мириться» [78, с. 166];

– *(не) забыть горе*: «Будзем пиць, забудзем горе; / Браццы, як у добрый год / Заведзем тут корогод» ([26, с. 106], бел.);

– *рассказать горе*: «А каб я й мела крыла, шчэ й умела лятаці, / Паляцела б да роднай маманькі свае гора расказаці» ([74, с. 185], бел.);

– *проклинать горе*: «Тебя, мой друг, дождаючи, / Свое горе проклинаячи!» [33, т. 4, с. 509];

– *развеселить горе*: «Ох, міленькі мой, дружина твая — / Завёз ты мяне, дзе роду няма. / Дзе роду няма — чужая старана: / Некуды выйсьці, пагаварыці, / Свае горачка развесяліці» ([74, с. 189], бел.);

– *разбить горе* (что еще раз указывает на вещьность горя): «Еще с той тоски-кручины <...> / Пойду в поле погуляю, / Свое горе разбиваю» [108, с. 269].

Завершая анализ материала, касающегося концепта «горе» в народной лирике (в песнях и балладах прежде всего), перечислю основные значения, которые приписываются прилагательному *горький* (см.: [96, т. I, с. 337]), а также объекты, к которым этот эпитет прилагается. Это 'исполненный горя' (замужество, доля, мир); 'вызванный горем' (слезы, причет, песня); 'тот, жизнь которого наполнена горем' (вдова, сирота, пташечка):

...задумал я, добрый молодец, пожениться, / Не на душечке, на ягодке на девице, / А на горькой-то, на злосчастной на вдовице ([33, т. 3, № 210], Приуралье); Мене мати не жаловала, гей, гей! / За пяницею свѣт завязала... / Гѳркій же мѳй за пяницею свѣте!.. [66, т. I, с. 200].

Обращает на себя внимание, что разные объекты, снабженные этим эпитетом (в разных его значениях), легко komponуются в рамках одного контекста благодаря близости их семантики и общего настроения песни:

Не буду я к матушке ровно три года, / На четвертом годике пташкой полечу, / *Горькой я пташечкой кукушечкою.* / Сяду я у матушки в зеленом саду <...> / *Горькими слезами* я весь сад потоплю <...> / *Горькими причетами* я мать разбужу ([85, с. 338], «Замужняя дочь пташкой прилетает в родной дом»).

Наконец, субстантивированное прилагательное *горький* (точнее, *горькая*) нередко выступает в качестве номинации и автономинации лирической героини: «Злые люди замечают, все суседушки бранят, / Не советуют любить, / Меня, горькую-злосчастну, велят бросить, позабыть» [33, т. 5, с. 524].

Таким образом, в народной лирике, сосредоточенной на рефлексиях по поводу межличностных отношений и внутренних переживаний героини (героя), основное содержание концепта передается с помощью глагольно-именных словосочетаний, описывающих взаимоотношения человека с горем и способы его преодоления.

Корпус текстов, в которых концепт горя проявляется наиболее глубоко и разнопланово, — это **похоронные и рекрутские причитания**. Горе является основной эмоцией, вызываемой смертью близкого или бессрочным расставанием с ним, а причитания — наверное, самым эмоциональным способом выражения этого чувства. Не случаен и подбор эпитетов к этому слову в причети, указывающих на силу и глубину горя, — *горькое, великое, большое, злое*: «Разостались да мы остались / Во большом горе да во великом» [52, с. 120].

Вначале остановлюсь на общих моментах концепта «горе» в восточнославянских похоронных причитаниях.

Первое. В причети широкое распространение получили частеречные и морфологические варианты слова *горе*, выполняющие функцию номинации субъекта или автономинации плакальщицы. Среди этих номинаций имеются:

– имя сущ. ср. р. *горе*; оно практически всегда сопровождается эпитетом, произведенным от имени сущ., имеющего синонимическое значение, ср.: *горебедна(я), бедна горе* и *горе горькая (горегорькая)*; редко — *горе злосчастная, горе несчастное, горе серое*⁶, *горе соборная*:

6 Ср.: «Горе серое: Беда, несчастье; Несчастливая доля, судьба; Ирон. О солдатской шинели» [64, с. 153].

Я одна, бедна горе, злосчастная, / Я горюха да горегорькая. / Я кукуха да горе соборная [52, с. 79]; Уж пойду я, горе-бедное, / Уж пойду я, горемычное ([111, с. 125], Ярослав.)⁷;

– имена сущ. жен. р., производные от имени сущ. *горе* и обозначающие лицо: *горюха*, *горюша*, *горюшка*, *горюшица*, укр. *горувальница*, *горувальничек*, бел. *гаратніца*, *гаратнік*, а также сложные имена сущ. типа *горе-мыч(и)ница*⁸ и др., также снабженные эпитетами:

Уж я ли горюха-то да горегорькая, / Я горюшица, горе несчастное [52, с. 151]; Діточки мої, горевальничкі, послі тебе вони остануця, по крапивам, кусточкам розтянуця ([90, № 123], Чернигов.); Мая ты гаратніца, мая ты бяздольніца! ([73, № 361], Минск.);

– субстантивированное прил. *горький*, *горькая*, *горемычная*, *горегорькая*, *горебедная*:

Уж как жили мы, горезлосчастные, / Уж мы наробили дела-работаньки [52, с. 49]; Што ты мяне, горкую, бяздольную, пакадаеш? ([73, № 209], Могилев.);

– словосочетания имени прил. *горькая* (*горегорькая*, *горебедная*, *горезлосчастная*) и имени сущ., обозначающего лицо в его отношении к умершему: *вдова*, *сирота*, *дочь*, *мать*, *жена* и др.:

А она <жена рекрута> сирота горькая, / Твоя несчастная, бесталанная ([44, с. 124], Владимир.); Я вдова да горебедная ([107, с. 3], Пудож.); Уж я горюха-то да горегорькое, / Я горька дочи да безотцовая [52, с. 140].

7 В последнем примере признак рода соответствует не полу упоминаемого лица, как было выше (я, горебедная), а автономинации «я, горе», т. е. слову *горе* и среднему роду: «я, горе-бедное».

8 В севернорусских балладах мне встретилась также сложная автономинация *горяпашица*: «Тело мое полоненое, / Я сирота вдова прибезчестьена. / Есть я роду самонижняго, / Есть я роду вдовки-горя-пашицы» ([79, ч. 4, с. 100], «Девять братьев и сестра»), ср. бел. лит. *гарапашнік*, *гарапашніца* ‘человек, постоянно живущий в несчастье’ и мн. др. Скорее всего, выражение восходит к *пахать горе*. Оно присутствует также в языке похоронных причитаний И.А. Федосовой (см.: [15, с. 434]). Об этом слове и его вариантах см. подробно: [1, вып. II, с. 244].

Второе. Горе «вещно», материально, а потому исчислимо и изменчиво, ср.: *горя великии, горев не ведала*: «Нынь осталось у меня, бедной несчастной, / То не три горя да три великие. / Перво горе у меня до Питера, / Друго горе да дальше Киева, / Третье горе до матушки до каменной Москвы. / Четверто да горе великое / У меня летом летит, да колесом катит» [52, с. 78].

Присутствует в причети и оценка степени горя: его много, оно может увеличиваться, расти или уменьшаться, стать более горьким и т. д.:

Я ж усё думала, / Што мы гора пагаруем, / Што гора паменшаець, /
Аж яно пабольшала [73, № 213]; Што вы, дзеткі, маленькі, / І слёзунькі вашы
дробненькі, / А як дзеткі пабольшуюць — / І слёзунькі пагоршуюць <т. е. ста-
нут более горькими> [73, № 252].

Третье. Наиболее ярко в причитаниях проявляет себя олицетворенное «горе». Подобная персонификация ментальных эмоций встречается в фольклоре исключительно редко (ср. разве что «тоску» в заговорах), и потому, если говорить именно о «горе», эта персонификация, что весьма вероятно, навеяна рассмотренными выше песнями о Горе, на что указывают также некоторые текстуальные совпадения между текстами песен о Горе и причитаниями:

Впереди меня горе бегом бежит, / По бокам горе колесом катит, / По-
зади горе числа-смёту нет <...> / Я не знаю, куда с горя броситься, / Уж я с
великого <горя> рада кинуться / В жаркой огонь али в прорубь-полюнью, /
Али с крута берега в мать-быстру реку, / Не могу горя нигде убавити, / Не могу
нигде оставить. / Кабы могла горе взять во белы руки, / Я бы привязала ему
сер-горюч камень, / Я бы бросила его на быстру реку <...> / Уж как была бы я
птица крылатая, / Я слетала бы к ним во единый час, / Посмотрела бы с нима,
побаяла, / Сколько горюшка поубавила, / Не слетать, видно, не побаяти, / Го-
рюшка, видно, не убавити ([52, с. 125], по внукам, уходящим на фронт).

Эта почти эпическая зарисовка олицетворенного «горя» поддерживается многочисленными грамматическими конструкциями, в которых «горе» выступает в качестве субъекта действий, такими как *прийти*, *са-*

даться, привязаться⁹, нападать, накатиться, навалиться, учить, ударять (ошибать) и др. Такое горе

– *мчит по чисту полю*: «Горе стужей-инеем оно да там садилось, / Над зеленым лугом становилось, / Частым дождичком оно да рассыпалось» [7, с. 92];

– *нападает на человека*: «Нападет да на горемычницу, / На меня-то да на злодарницу, / Нападет да тоска-горенько» ([99, с. 70], Костром.);

– *сокрушает человека*: «Все бежать мои слезы горькия <...> / Ошибает горе великое» [103, с. 3]¹⁰;

– *разрушает дом и жизнь*: «распустится наш высок терем / Эвтим горюшком да великоим» ([101, с. 5], Владимир.), где *распустить* – ‘оставить без присмотра; разрушать, разваливать’ [94, т. 34, с. 187, 188];

– *учит горемыку*: «Меня повыучило да велико горе, / Без отца меня, горе, без матери» [52, с. 142] и т. д.

Далее я рассмотрю глагольно-объектные словосочетания со словом *горе*. Среди этих последних немало тех, что фигурировали в лирических песнях и балладах, однако в причети их отличает разнообразие и высокая частотность, а кроме того, в этом жанре появляются словосочетания, до сих пор малоизвестные.

Выше я выделила три тематические группы, на которые распадаются такие словосочетания в лирической песне: «жить в состоянии горя, горевать», «делать что-то с горя» (в причети представлено слабо) и «преодолевать горе». Было отмечено, что лирическая песня наиболее активно разрабатывает третью группу, а именно тему выхода из состояния горя, его преодоления. В причети же ситуация складывается принципиально иначе.

В причети наиболее востребованы словосочетания первого типа, передающие значение ‘пребывать в состоянии горя’, поскольку они описывают эмоциональную и жизненную ситуацию, в которой оказывается каждый, кто потерял близкого (в то время как в лирике их совсем немного). Напротив, преобладающие в лирике словосочетания, означающие ‘преодолевать горе’, в причети малозаметны. Иными словами, выбор тем и соответствующ-

9 Ср.: «Горе не вяжется [к кому]. Сиб. О человеке, которому не о чем горевать» [64, с. 153].

10 Ср. рус.: «Ошибить горе. Ср. Урал. Отвлечься от неприятностей, переживаний, развеяться» [64, с. 153].

ших им фольклорно-языковых клише определяется эмоционально-содержательными доминантами жанра.

Эти различия между жанрами бросаются в глаза не только на уровне тематических групп, но даже при взгляде на отдельные устойчивые выражения. Так, например, если клише *оставить кого-то в горе / на горе* в лирической песне указывает на женское одиночество, то в причити оно означает потерю кормильца, одиночество вдовы или сироты и потому имеет трагический оттенок: «І куды, мой родны татка, адлітаісся, / І каму ж ты мяне, бедную, кідаеш? / На якое ж ты вялікае горачка» [73, № 2].

Начну с самой многочисленной группы словосочетаний, означающих 'горевать', 'жить в горе'. Наиболее частотен в причитаниях глагол *горевать* (с дополнением или без него), указывающий на общее состояние человека в ситуации потери:

– отца: «Я-то, горькая, злыдарная, / По нем <отцу> стосковалася, сгоревалася» ([67, с. 26], Пензен.);

– матери: «Праветь (так!), мая родная матушка, хуть единственная словичка, / как мне с малости лет горюшка гаривать» ([43, с. 292], Калуж.);

– сына: «Синочок мій дорогий, синочок мій милий! / Що-ж ти це, синочок, вробив? / Як твоїй хазяїці з діточками горевати, як же їй їх питати?» [90, № 98];

– жены: «Смертухна-матухна... / Пусци мою жонку ко мни! / Мне не с ким горе горевати, / Не с ким дзицей годовати, / Нема с ким веку коротати» ([26, с. 251], семейная песня).

Горевание человека часто сопоставляется с кукованием «горькой» кукушки, птицы-одиночки, хотя этот образ скорее имеет межжанровый характер:

Заставіў ты мяне, бацюшка, кукушкой кукаваць, / горкай пташкай гаравать... ([73, № 17], бел.); Как кукушечка в саду раскуковалася, / Так и бѣдна разгоревалася ([109, т. I, вып. 2, с. 743], Саратов., свадебное).

Кроме глагола *горевать*, значение 'жить, горюя' передается поэтическими клише, указывающими на разные оттенки этого значения и разные аспекты «горевания». Так, известное выражение *(не) знать/ведать горя* маркирует границу в жизни человека, до которой человек пребывает

в счастливом, хотя и не осознаваемом им благополучии, а после пересечения которой жизнь оборачивается противоположной стороной:

За тобой жила — горев не ведала, / Теперя-то горюшко спроведаешь
([101, с. 4], Владимир.); Хозяїну мій <...> / Хто ж буде діточок доглядати, як
ти? / За тобою я не знала горя ([90, № 121], Киев.).

Выделяются также выражения, в которых акцент сделан на обретении горя, что вновь актуализирует его «вещность», материальность, ибо, как говорят причитания, горе можно *принять*¹¹ (*воспринять, положить, взять, набраться* и т. д.):

И с маласти лет я горя приняла и с маладости я дабра ни видала ([43, с. 293], Калуж.); Я горюха ли, горе злосчастная <...> / Я со всех злыдень да верно сграбила, / На себя горе да я положила [52, с. 99].

В разных фольклорных жанрах, а также в диалектной речи неоднократно встречается словосочетание *мыкать горе*. Чаще всего его можно заметить в похоронной причети:

Цем на светушки горе мыкати <...> / Ох, горюшная я, горюша-горюшка, / Осталась я сиротинушкой, / Сиротинушкой со व्यюношами ([101, с. 7], Владимир.); ...мой родный батюшка <...> Расскажи ты родный матушки, как я горькая, несчастная, биз тебе горюшка мычу с малалетними детушками ([43, с. 295], Калуж.);

в свадебных причитаниях:

Дайте мне, подруженьки, / Местечка-то малешенько, / Сидя горе помыкати, / Кручинушки поизбавиться ([35, с. 14], Вологод.); Они живут, горя мыкают <...> / Во больших они во заботушках ([60, с. 37], дон. казаки, свадьба),

11 Ср. рус. *горе берёт/взяло кого*. 1. Кто-л. испытывает горе, несчастье, беды [64, с. 153].

и гораздо реже в других жанрах: лирике, былинах и поговорках, а также довольно широко в исследованных выше песнях о Горе:

Не поглянется тебе худа жена <...> / Тебе век с ней горе мыкати! ([30, с. 253], лирическая песня); Пособил-ка мне <Илья Муромец> <...> / Думу думати да горе мыкати, / Отдать или не отдать стольне Киев град ([32, с. 175], «Про татарское нашествие»); В девках сижено — горе мыкано, замуж выдано — вдвое прибыло [18, с. 149], см. также: [64, с. 153].

Помимо самого словосочетания, для фольклорного дискурса характерно появившееся на его основе сложное слово *горемышница*, чаще всего используемое в качестве автономии, реже номинации, типа «Нейдут у горяшечки / У меня, горемышницы, / Мои ноженьки резвы» [94, т. 7, с. 34]. Иные частеречные варианты подобных сложных слов известны и в диалектах (*горемыкаться*, *горемышно*, *горемыка* и др.) (см.: [94, т. 7, с. 33; 29, с. 319]).

Глагол *мыкать(ся)* и его варианты этимологи возводят к *mykati (se), полагая, что все его многочисленные значения в славянских языках в конечном счете сводятся к семантике движения (чесать лен, щипать по клочку; двигать, наталкивать, побуждать, уходить, тянуть, бросать, кидать, метать, шатать, тянуть, бегать, тащить и мн. др.) [110, т. 21, с. 35–37]; ([1, вып. 11, с. 243], о слове *горемыка*). Словарь XI–XVII вв. отмечает появление переносного значения у глагола *мыкать*: *мыкати горе* ‘терпеть лишения, испытывать невзгоды’ ([95, т. 9, с. 329], 1663 г.), а также обращает внимание на выражение *молодость мыкать* в «Олонецком сборнике» заговоров второй четверти XVII в.: «Се яз, раб имярек, хож(у по) сему белому свету, по воды и по земли, молодость свою мычю и царство держу ради кулачного бою» [89, с. 130].

Со времен «Словаря академии российской» словосочетание *мыкать горе* как ‘терпеть горе, сносить несчастье, нужду’ [92, т. 3, с. 911–912] прочно обосновывается в словарях русского литературного языка, а также в диалектных. Основные значения этого словосочетания в диалектных словарях сводятся к двум: 1) ‘терпеть беду и нужду’, ср. *мыкать горе* ‘бедовать’ [41, т. 3, с. 371], и 2) ‘страдать’, ср.: *горе мыкать* ‘мучиться, страдать’ [56, с. 119]; ‘испытывать душевные страдания, глубокую печаль, скорбь’; ср. *мыкать судьбу* ‘испытывать нужду, лишения в течение всей жизни’ [83, т. 19, с. 126].

Если присмотреться к другим диалектным значениям глагола *мыкать*, то среди них выделяются два, которые, как кажется, могут уточнить смысл словосочетания *мыкать горе*, в том числе в фольклорных контекстах. Одно из них — ‘проводить/проживать время, в том числе в невзгодах’: *мыкать век* ‘доживать свой срок’ [69, т. 6, с. 107]; диал. *мыкать время* ‘тратить, терять время’ [94, т. 19, с. 52]. Второе значение связано с определенным типом движения — ‘тянуть, тащить’, ср.: *мыкать* ‘тащить; перевозить’ [95, с. 46]; ‘таскать, носить’ [69, т. 6, с. 107] и т. д.

Если подключить к этим словарным контекстам фольклорный дискурс, то складывается впечатление, что *мыкать горе* означает некое действие/состояние на пересечении этих двух значений, и в целом его смысл может быть описан как ‘тащить на себе время/жизнь, исполненное горем’, ‘влачить горькую жизнь’. От сказанного несложно перейти к тому, что в понимании и трактовке «горя» (как эмоции и события) особое место занимает корреляция *горя* и *жизни*, *судьбы*, см. пример, где в типовое выражение *проводить/проживать жизнь* вместо слова *жизнь* вставляется *горе*: «Скажи, мая родная матушка, как мне с ними *горя проводить*?» ([43, с. 292], Калуж.).

Говоря о песнях о Горе и лирических песнях, я уже обращала внимание на взимную соотнесенность *горя* и *жизни*. Часто *горе/горевание* как бы «запараллеливается» с *жизнью*, становится к ней в пару, образуя устойчивые, преимущественно глагольные биномы типа *жить-горевать*. Такая особенность поэтического дискурса является отличительной чертой прежде всего украинской традиции причитаний:

І примай же мене до себе, пригортай, / я вже ж тут нажилась і нагорювалась ([90, № 27], Чернигов.); Ой матусенько ж, прощайте / Та й для нас містечко прибірайте, / Бо як же ми тут і житимем, / Та як же ми тут і горюватимем ([70, с. 373], Сумск.).

Среди других регулярных биномов *горевания* в причитаниях (второй глагол в которых уточняет особенности горевания) обнаруживаются такие, например, как:

– *горевать-скитаться*, описывающий жизнь горюющего человека, который потерял кормильца и дом, см. украинские примеры: «Да я-ж уже і так нагорювалась і наскиталась на білому світі» ([90, № 231], Чернигов.);

«Мій таточку, мій горювальничку, мій таточку, скитальничку! / Ви наскитались, ви нагорювались!» ([90, с. 247], Полтав.);

– *горевать-сиротать*, также связывающий горе с потерей кормильца и сиротством: «Оставил одну одинокую горевать-сиротать <...> / Горевать-сиротать, век коротать» [27, с. 43];

– *горевать-тосковать*, усугубляющий эмоциональную составляющую горя, см. русские примеры: «Что во темном лесу да во безрезничке <...> / Там тоскует моя милая сестрица и горюет / Там, видно, стошнилось ей по родимой родителе» ([62, с. 47]; похоронное причитание по матери, в которое вставлена фраза про сестру, тоскующую по матери на чужой стороне);

– *горевать-страдать*: «Та як же я, матінко, за тобою убиваюся, / Та як же й, матінко, я за тобою й горюю й страдаю» ([70, с. 375], Сумск.).

Соотнесенность *горя* и *жизни* выражается в языке причитаний не только через одночастеречные пары, а также через словосочетания с примыканием, когда к глаголу *жить* примыкает наречие *горько* 'плохо': «Нам то-ж сиротам *горе* в світі *жити* буде!» ([90, № 230], Подол.), а также с согласованием, когда *жизнь* определяется эпитетом *горькая*: «Встань, моя ненько, край дороженькі і розпитай його про наше житя горькоє» ([90, № 87], Херсон.); «Рассказать мне-ка, горюхе горегорькоей, / Про свою мне-ка ведь жизнь да горегорькую» [52, с. 346], откуда берутся словосочетания типа *горегорькая жирушка*, *жительство горемычное* и мн. др.

Что касается группы глагольно-именных словосочетаний, описывающих способы справиться с горем, то в отличие от лирической песни в причети их совсем немного. Такое соотношение с лирической песней вполне объяснимо, учитывая непреходящий характер горя, оплакиваемого в похоронной и рекрутской причети, и по сути невозможность избавиться от него полностью. Основным в этой смысловой группе является словосочетание *рассказать/выговорить горе*:

А к каму мне сваю галовачку прыхінуць, каму ж мне сваё гарачка раска-
заць? ([73, № 92], бел.); Та вийду ж я у садочок, / Та там стоїть вербиця <...> /
Головочку до неї притулю / Та все горечко своє розкажу ([70, с. 418], Сумск.).

Рассказывая горе, человек тем самым перемещает горе вовне, удаляет его от/из себя, что еще раз указывает на «вещность» горя, которое

поддается таким «манипуляциям». Как пишет Ю.Н. Ильина, «понимание говорения как способа избыть горе обнаруживает одно из самых принципиальных для мифопоэтического сознания представление об особой магической, сакральной силе человеческого слова, которое функционирует как инструмент воздействия на мир, его преобразования и равно действию по уничтожению чего-либо разрушительного для личности и всего коллектива» [4, с. 16].

Другие словосочетания — *помочь горю, разделить горе, выплакать, причитывать, приплакивать, пожаловаться, заесть* и некоторые др. — встречаются в причети относительно редко.

И, наконец, последнее, о чем кажется необходимым сказать в связи с концептом «горе» в похоронной и рекрутской причети, — это эпитет *горький*. В причети *горькими* прежде всего называют людей, жизнь которых наполнена горем (вдовы, сироты, солдаты, солдатки, люди и др.):

солдатка горегорькая (Заонежье); солдатушки победные, матросы горегорькие. [52, с. 387]; Кто пажалеец, абласкаец няшчасную сiротухну прагоркую? ([73, № 3], бел.),

а также события, судьбу, времена и годы, исполненные горя:

На що ти мене, нещасницю, вродила, гірку долю вділила? ([90, с. 96], Полтав.); Он во этих во пленах да горегорькихх [52, с. 333].

Помимо *горькой кукушечки* и *горьких слез*, которые представляют собой общефольклорные клише, в причети встречаются и более редкие, практические единичные словосочетания с тем же эпитетом, значения которых восстанавливаются гипотетически, например *горькое слово*: «Чи вам дочки, чи вам синопки гірке слово сказали?» ([90, № 198], Полтав.), где *гірке* скорее означает плохое или обидное, но не исполненное горем; *горькие руки*: «Уж его-то матери родимая, / Она растила его да подымала, / На своих руках да горегорькихх» [52, с. 61] — словосочетание, сложившееся, видимо, при переносе эпитета *горегорький* с человека на его часть (руки), и т. д.

Таким образом, похоронные и рекрутские причитания, наряду с песнями о Горе, оказываются главными репрезентантами концепта «горе»

в восточнославянском фольклоре. Это объясняется экстратекстовыми факторами, стоящими за этим жанром, реальными трагическими событиями, вызывающими к жизни голошение как одну из наиболее выразительных и эмоциональных форм выражения горя.

Общие характеристики этого концепта в причети в целом имеют общеславянский характер, однако есть и отличия. Именно причеть формирует огромное количество номинаций и автономинаций человека, жизнь которого исполнена горя, — в других жанрах такие номинации имеются, однако их несравненно меньше и они не столько разнообразны. Что касается общих характеристик горя, то такие его особенности, как субъектность/олицетворенность, материальность и изменчивость/измеримость, тоже не исключительны, однако во многом более выразительны и разнообразны по сравнению с другими жанрами. Главным же отличием слова-концепта *горе* в причитаниях (по сравнению с другими жанрами) является, на мой взгляд, то, что в причети заметно преобладают глагольно-именные словосочетания со значением 'пребывать в состоянии горя', 'обретать горе', 'горевать', в то время как словосочетаний, описывающих выход из состояния горя, способность преодолеть его, во-первых, мало и, во-вторых, они лишены разнообразия.

Известно, что традиционную **свадьбу** принято условно делить на две части: в первой (после свадебного сговора) преобладает печальный тон, а во второй (особенно после брачной ночи) — веселый, радостный. Это разделение выражается в разных аспектах свадьбы — в жанрах и песнях, текстах и музыке и даже в одежде: например, в южнорусских губерниях одежда невесты в первой, «печальной», части свадебного обряда называлась *горевой* [94, т. 7, с. 31–32].

Естественно поэтому, что при рассмотрении концепта «горе» в свадебном фольклоре внимание будет сосредоточено преимущественно на «печальной» части обряда, которая получила особое развитие в севернорусской свадьбе, где этой первой части соответствует развитая традиция свадебных причитаний, когда невеста горюет и прощается с «волей-красотой», девичеством, родным домом и подругами.

«Горевой» дискурс свадебных причитаний в некоторых моментах похож на дискурс похоронных и рекрутских, и это сходство обусловлено единством знаковой основы причети как жанра, который оформляет наи-

более критические моменты в жизни человека, а именно переход личности из одного статуса в другой — из жизни в смерть, из жизни в родном доме — в бессрочную солдатчину или из жизни в своем доме — в жизнь на чужбине. Не случайно тема чужбины, а именно чужой земли, семьи, чужих людей и чужих членов семьи, проходит через весь корпус свадебных причитаний и лирики, охватывая все три восточнославянские традиции:

Сестрицы мои, подруженьки, как мне быть? / В чужи люди к чужому
дяде жить идти, / Ишшо горя — чужа тётка — матушка, / Ишшо горя — чужой
дятьё — милай друг ([47, с. 36], Самар.); Ненько моя пишна!.. / Даеш мене на
чужину, / Щоб я горювала ([34, с. 189], укр.).

Остановлюсь на важнейших моментах «горевого» дискурса свадьбы. Как и в других жанрах, в свадебном фольклоре имеется большое количество автономинаций невесты, произведенных от *гор-*, а их вариативность, как и в похоронной причети, в значительной мере определяется региональной традицией, а не самим жанром¹². Это *горе*, *горе-горькая*, *горькая*, *горько-горюшенька*, *горюшница*, *горюшенька*, *разгорькая* (нижегород.) и др.:

У вас цветут желанныя волюшки на буйных головушках, у меня,
у бедной горюшницы <...> нет моей вольной волюшки! ([72, с. 46], Олонец.);
А я-то, разгорькая, теперь уж открасовалася [58, с. 100].

Поскольку свадебные причитания обслуживают преимущественно первую, «печальную», половину свадьбы, то в них, как и в похоронной причети, преобладают темы непрерывного горевания, которым отмечено время от сговора до свадебного пира. Эта тема выражается через уже знакомые глаголы, клише и глагольно-объектные словосочетания. Самую многочисленную их группу составляют *делать* / *быть* / *даться* / *находиться* / *ходить* / *заблудиться* / *убиваться* / *помещать кого-то/что-то в/на горе* /

¹² Так, по наблюдениям Л. Малиновского, на восточном берегу Онежского озера (в Каргопольском и Пудожском уездах) появляется автономинация «бедная» или сложные автономинации с элементом *бед-*: «И я выйду, *горегорькая кукушка* <...> / Как я ворочусь да *кручинная бедная*» [64, с. 45]; «Я вдова да *горебедная* <...> / Охти мне да только, беднушки» ([107, с. 3], Пудож.).

при горе / с горем / с горе, с помощью которых описывается широкий круг ситуаций, передающих пребывание невесты в состоянии горевания:

Что, ох! родимая моя матушка, / На что на горе та меня зародила / На злодей на горюшко великое? ([109, т. 1, вып. 2, с. 496], Новгород.); Да милые вы подруженьки, / Я об чем вам побьюсь челом / Да в горюшке поконаюсе¹³, / Да у резвых ног покатаюсе ([49, с. 25], Вологод.); Не сажай-ка ты меня, батюшка, / За столы за дубовые <...> / Не в сады-то меня сажаешь, / Сажаешь в горе во великое! ([109, т. 1, вып. 2, с. 747], Саратов.).

В свадебных причитаниях заметны также общие для лирики слова и выражения, например *горюниться/горевать*, когда субъектом причети становится не только сама невеста, но также ее «воля-красота», символизирующая ее пташечка и др.:

Залетела вольна пташечка / За серебряну решеточку <...> / Стосковавши, взгорюхнулася: ([47, с. 36], Самар.); Я сяду видь на са́му на вершиночку; / Будут ветрушки теперь да повивати; / Воля вольная век свой да горевати, / И сердечюшко мое да тосковати ([53, с. 141], Олонец.);

– и *терпеть горе*, характерное для лирики в целом (свадебных и похоронных причитаний, лирической песни), а также паремий, прямо указывающее на тяжесть горевания как эмоции:

Да мое милое ты дитятко. / Да носи платьице — не складивай. / Да терпи горюшко — не сказывай. / Да поносивши платье, сложишься, / Да потерпевши горя, скажешься ([24, с. 33], Новгород.).

Хочется отдельно отметить выражение *утираться горем*: «Умываюсь я, млада молода, / Что своим да горючим слезам, / Утираюсь, млада молода, / Что своим да горем-кручиной» ([17, с. 40], Костром.). При всей его символической образности (слезы — вода, горе — полотенце) этот оборот можно соотнести с практикой ритуального голошения невесты, когда ей по-

¹³ Рус. диал. *поконаться* 'настойчиво попросить; поклоняться, похлопотать' [94, т. 28, с. 394].

дают «слезное» полотенце, а также с аналогичными функциями полотенца для умывания после брачной ночи и в других ситуациях.

Как и в похоронной причети, в свадебных причитаниях относительно слабо развита тема преодоления горя или избегания его, что, по-видимому, связано с невозможностью противодействия *горю* как «сговоренному» замужеству, а также с заведомым отсутствием темы горя в причитаниях второй, «радостной», части свадьбы. Тема преодоления разрабатывается в словосочетаниях, часть из которых встречается и в других жанрах. Отмечу два из них:

– *не ведать / не знать горя*: «Як бы знала я, як бы ведала свою горькую долю, / Не пошла б замуж, не подумала, пошла б я в чернушачки, / Чернички б брала, душу б питала, горечка б не ведала» ([86, т. I, с. 358], Брянск.);

– *снять горе*: «Господарево ты наша милая подруженька, / Мы снимаем, подруженька, это твое горе-кручину <...> / Так поди ты, наша подруженька, / Ко своей скруте доброй <девичья одежда невесты, с которой она в т. ч. прощается> / Без горя да без кручины» ([35, с. 16], Вологод.).

Здесь, как и в случае «утирания горем», обнаруживается связь с ритуальными действиями — выражение *снять горе* понимается «вещно»: девушки снимают «горе-кручину», которую символизирует платок на ее голове, наброшенный матерью.

«Горе» в свадебной причети обнаруживает и другие значения, выходящие за рамки эмотивной семантики. Самым распространенным является *горе* ‘событие’ и ‘беда’ одновременно, т. е. свадьба, ср. словосочетания типа *рассказать горе* (которое было отмечено и в похоронной причети), *объявить горе* и *прийти/зайти на горе*:

Ты поди-тка в поле чистое, / Ты ударься о сыру землю, / Расскажи своё злодей-горе <земле> ([104, с. 136], завет сестре, Новгород.); Мои родные родители <...> / Я не смию, млада, осмилиться / Без вашево благословленьца / Объявить да горе на люди [109, т. I, вып. 2, с. 510]; Заходите вы, мои подруженьки, / К моему ли горю горькому ([47, с. 15], Самар.).

Кроме того, в свадебном фольклоре встречаются и ситуативные значения, прежде всего ‘весть, известие’ (о свадьбе): «Моя сизая голубушка, /

Моя милая подруженька, / Што ты долго не бывала / Да рази горя не слыхала?» ([23, с. 53], Вологод.). В украинской свадебной песне девушка ведет диалог с отцом, прося «вызволить» ее из «горя», где *горе*, вполне очевидно, означает 'неволя': «Рятуй, батеньку, з моря, / Визволь мене з великого горя. — / Рад би, доню, тебе рятувати, / Прийшла пора — треба віддавати» ([34, № 216], укр.).

И последнее, о чем следует здесь сказать, — это эпитет *горький* и состав определяемых им слов. Замечу, что слова *горе* и *плач/слезы* складываются в несколько самых частотных словосочетаний в языке фольклора. Это, во-первых, *горькие слезы*: «Да клонила головку ниже усех, / Да роняла слезку горыша усех» ([86, т. 1, с. 366], Воронеж.), в том числе с регулярной корреляцией *горького* (в двух значениях: 'вызванный горем' и 'горький на вкус') и *горючего/горячего*: «Наполивана чужая ознобна сторонущка / Горькими слезами горючими» ([79, ч. 3, с. 86], Пудож.). И, во-вторых, глагольно-наречные словосочетания *горько плакать*, *горько тужить*, *горько горевать*: «Малая ты Зіначка, / А чаго ты горка плачаш? — А як жа мне не плакати?.. / Мiane, млоду, заручылі» ([37, с. 112], бел.); «Ясно, ясно місяць сходити, / Сяють зорі. / Гірко плаче дівчинонька / В лютім горі» ([20, с. 144], укр.).

Подобные словосочетания встречаются в самых разных жанрах. Тем не менее почему-то именно в свадебном фольклоре параллелизм и парность этих слов проявляется особенно выразительно. Ограничусь парой примеров:

— эпитет *горький* сопровождает слова, среди которых присутствует и слово *слезы*: «Дак горё-горьких-то писён пить, / Ко мне горецix-то слёз ронить» [23, с. 73];

— пара эпитетов — *горький* и *слезный* — определяет пару существительных одного класса: «Не клади-ко мне, ластоцька, / Горьково-то осинницька, / Ни слезяново березницька» [23, с. 349];

— пара слов — *слезы* и *горе* — выступают в одной позиции в синтаксически параллельных конструкциях: «А как я, молодешенька, во своем горе заблудилася, / Во слезах замочилася» ([35, с. 22], Вологод.);

— разные частеречные варианты соответствующих слов сопоставляются в одном фрагменте: «Свет душа Танюшка, красна девушка <...> / Что пле-ла она да русу косу <...> / Пригорюнивши, слезно всплакнула» ([47, с. 222], Самар.).

Помимо *горьких слез* и уже знакомых по другим жанрам *горькой осины*, *горькой кукушки*, *горькой жизни* или *горького талана*, свадебный фольклор формирует целую группу атрибутивно-именных словосочетаний, ориентированных именно на брачную тематику. Среди них:

– *горькая невеста*: «Не сера утица (не касаточка) из гнезда подымается, подымается <...> невеста горькая» [58, с. 206];

– *горькая свадьба*: «Прилети, прилети, ты мой батюшка, / На мою горькою свадебку» ([86, т. I, с. 231], Калуж., плач невесты-сироты);

– *горемышные суточки* (сутный угол), *горегорькое место*, *горемышный столбик* — места в доме, где находится и причитает невеста: «Мне садиться-то, красной девице, / Мне во место-то, во печальное, / Во печальное, во горе-горькое!» ([42, № 11], Ярослав.); «Я за елочку берусь, никого не боюсь. / От печки от кирпичной, от столбика горемычного, из-за занавесочки шелкавыя» ([88, с. 479], Костром.); «Да мне-ка сесть да было, молоде, / Да в горемышные суточки, / Под слезяной окошечко» ([86, т. I, с. 196], Вятск.);

– *горегорькое покликанье*, *горемычное плаканье*, *горькие песенки* — песни и причитания невесты: «Да вы гостите, голубушки <...> / А ко мне, кручинной-то девице <...> / Попить горе-горьких-то писёнок, / Попричитать да поплакати!» ([49, с. 23], Вологод.).

Таким образом, в свадебном фольклоре «горевые» мотивы сосредоточены в текстах первой, «печальной», половины свадьбы, прежде всего в текстах севернорусской причети. В них, как и в похоронных причитаниях, тема пребывания в горе превалирует над темой его преодоления, что отчасти объяснимо структурой свадьбы.

По наблюдениям С.Е. Никитиной, *горе* входит в 50 самых частотных слов русских **духовных стихов** [7, с. 71]. Такая высокая частотность слова *горе* обусловлена тем, что оно часто используется в качестве возгласа, междометия *Горе!* Как заметил А.М. Петров, такие риторические восклицания относятся к наиболее эмоционально нагруженным, оценочным, рефлексивным в духовных стихах [10, с. 99].

Анализ показывает, что наиболее экспрессивны и мотивированны подобные возгласы в покаянных стихах, а также в духовных стихах на эсхатологические сюжеты Страшного суда, на тему смерти и прощания с раем. При этом, как писал Г. Федотов, то, каким Страшный суд предстает в ли-

ро-эпических покаянных духовных стихах, лишает его эсхатологическую идею примирительного смысла (добро торжествует, зло наказано, праведники вознаграждены и т. д.). Носители традиции в большинстве своем видят себя грешниками, которые не могли соблюсти все заповеди. Поэтому симпатии певца и слушателей оказываются на стороне грешников и осужденных, они присоединяются к их мольбам и не могут требовать их наказания [16, с. 115]. Такой суд не является разрешением земных страданий, а лишь усиливает их в перспективе вечности, и в духовных стихах появляется интонация скорби и возгласы, адресуемые человеку (*Горе мне!*), близким ему людям (*Горе нам!*) и даже всему человечеству (*Горе всем!*):

Горе мне, горе грешному! / Идет смерть ко мне грешному, / Горе окаянному. / Несет смерть косу острую [57, с. 101–102]; Прости ты, светлый прекрасный рай, / Со всеми святыми Божьими! / Уже мы отходим далече от вас. / О горе и прелюте нам [54, вып. 5, с. 198].

Горестные восклицания сопровождают откровенные признания в грехах, коих немало в духовных стихах:

О горе, горе мне великое. / Милости не будет там, / Коль не миловал я сам ([48, с. 39], «О смерти», укр.); Горе человекѹ, тѣлу служащему: / Бога оставляет, тѣло утучает ([39, с. 76], «Страшный суд», укр.); Боронь, Боже, смерти, буде Бог судыты!.. / А дети на тее и мало не дбають, / Отця своего и матірь словами огорчают ([55, т. 5, № 2, с. 469], «Псалм о правде»).

Вершиной же прегрешений человека объявляется отсутствие покаяния: «Пора тебе, человеку, жить — спокаяться <...> / Горе человеку умереть без покаяния» ([54, вып. 5, с. 156], «Страшный суд»).

Размышляя над смыслом столь частого в духовных стихах возгласа *Горе!*, С.Е. Никитина сочла, что они передают эмоциональную реакцию человека на осознание своей греховности. На мой взгляд, подобный возглас, нечасто, но встречающийся в других жанрах восточнославянских традиций, особенно в украинской и белорусской, несет в себе сильный эмоциональный заряд, обусловленный пониманием трагичности или безвыходности сложившейся в жизни человека ситуации, а не только собственной грехов-

ности: «Ах, бедная ж наши галоуки, бедная, / Ах, гора ж нам, гора!» ([73, № 1], причитание); «Ой горя мою развеликая» ([86, т. I, с. 360], Курск., припев свадебной песни).

В целом *горе* — как эмоция и провоцирующее ее тяжелое событие — «участвует» в разработке нескольких тем духовных стихов.

Во-первых, это типичное для духовных стихов неприятие мирской жизни с ее искушениями и соблазнами, вызывающими огорчение у православного человека: «Огорчися, душе моя, на прелестное житие мирское» ([48, с. 199], «Стих о умилении душевнем»), ср. в пословице: «Своя волюшка доводит до горькой долюшки» [40, с. 439] и др. под.

Во-вторых, это горе Богородицы, наблюдавшей крестную смерть Спасителя: «Господь на кресте / Печаль и рыдание матерье... / О Всемиловитая / Мати моя! / Почто еси / Горько печалуешься?» ([54, вып. 4, с. 237], «Страсти Христовы»).

Кроме того, выделяется значительная группа контекстов, сближающих духовные стихи с похоронными причитаниями, основной темой которых является горевание по поводу ухода человека и осознание мучительности (*горести*) самой смерти. Речь может идти:

– о Христе, изнывавшем от мук на кресте: «Между збойни пригвоздили, / С беззаконными вмѣнили; / Висай тужит, горько мѣт, / Свята кровя крестом лѣт» ([39, с. 171], «Страсти», укр.);

– об Алексее человеке Божиим, который своей кончиной поверг близких в такое состояние: «Все горевали, плакали, рыдали. / — Что же ты, Олексеюшка, нам не сказался? / Мы бы тебя к себе поселили» ([48, с. 88], с.-рус.);

– а также о родственниках, уповающих на общение с усопшими после смерти: «Старший отвечает: / Не горейтесь, а то / На сороковой денёчек / Придѣт душа в огонь» ([46, с. 69], Тамбов.); «Ты устань, моя мать, я всё горе расскажу, / Я всё горе расскажу про свою судьбу» ([99, с. 355], «Иосиф Прекрасный», Смоленск.).

Поминальную тему развивают также контексты с эпитетом *горький*, относящимся к смерти. В ряде духовных стихов *горькая смерть* приобретает особое значение — это смерть, связанная с предательством и обманом:

– либо обычного человека, внезапно лишенного жизни: «Ох, смерте ма горка, як есь мя зрадила <обманула, предала>. / Учора я з ня[нь]ком, з

мамъков говорила, / А днес перет ними лежу на жаль мертва» ([39, с. 93], «Смерть», укр.);

– либо Христа, ложно осужденного и преданного на смерть: «Он як злодѣй поиманий, / Мотузами повязаний; / Ко Пилату судїи ведений, / На горьку смерть лживо осужденный» ([39, с. 42], «Страсти», укр.); ср. к последнему примеру также *горка кара* как 'несправедливое наказание, вызванное ненавистью': «О Ісусе вожделѣни, / Про чтос так ненавидѣнный? / Про твоя блага толика, / Горша тя мнят разбойника. / Горка кара наступаєт, / Бо злост людей не престаєт» ([39, с. 166], «Страсти», укр.).

Такое понимание выражения *горькая смерть* (смерть, вызванная ложью и предательством, несправедливая смерть) показывает мировоззренческие различия между духовными стихами и светскими жанрами. При сравнении духовных стихов, например, с былинами обнаруживается, что если в духовных стихах выражение *горькая смерть* связано с этическими вопросами, то в былинах оно имеет более приземленное значение и обусловлено способом причинения смерти — убиением или самогубством:

– Иван Годинович убивает Кощея: «Так эта стрела взад обратилася, / Пала ему в буйну голову: / Облился он кровью горючею, / Пришла тут Кощею горькая смерть» ([79, ч. 1, с. 200], «Иван Годинович»);

– Михайло Потык отрубает головы изменщикам: «Как тут молодой Михайла Потык сын Иванович / Наперед отсек-то Марьи буйну голову, / Потом отсек царю да прекрасному Ивану Окульеву <...> / А придал-то он им да горькою смерть» ([71, с. 282], «Михайло Потык»);

– Васильев Буслаев неудачно прыгает и разбивается: «Поворотило как Васильюшка Буславьева / Внич его ведь молодца головушкой, / Как пал тут Василей о сыру землю, / Пришла тут Васильюшку горькая смерть» ([71, с. 295], «Василий Буслаевич»).

Эти позорные, недостойные виды смерти побуждают былинку назвать их *горькими*, что, видимо, мотивировано развитием значения *горький* 'плохой' (см. выше).

С эсхатологической темой, о которой упоминалось выше, связано также словосочетание *гіркий ад*, *гірка тма* из украинских духовных стихов: «...Христос избавитель єсть с нами. / Сего ради днесь воскресє от гроба, / Да избавит стадо своє из рова, / Єже заключено бѣ в темности, / Несытаго ада горка во усты» ([39, с. 177], «Страшный суд», укр.). «Горький» ад,

по-видимому, означает 'место, которое населено душами, страдающими и испытывающими постоянное горевание'.

В следующем украинском тексте:

О широкий свете, негде в тебе жити, / Просто я тя хошу ныне оста-
вити; / Бо ты мене сегда горко мя смущаєш / И во горький путь ми ноги на-
правляєш. / Дорогое житие минеш, / Паки во горькую тму нас провадиш, /
Младенъцу земьном показуєш сласти, / Во горькую тму ведеш до пропасти»
([39, № 66, укр.) —

описывается, как вольный и широкий мир *горько* искушает человека (т. е., видимо, смущает) и соблазнами задает ему *горький* путь в *горькую* же тьму.

Таким образом, в духовных стихах «горе» эмоционально сопровождает целый ряд событий и ситуаций в жизни христианского мира и отдельного человека, таких как Страсти Христовы, уход и потеря близких, мирские соблазны и др., а также сохраняет связь с этической тематикой, характерной для жанра в целом, маркируя эпитетом *горький* ситуации, сопряженные с ложью, предательством, позором и т. п. Вместе с тем в духовных стихах слово-концепт *горе* практически не проявляет своей аксиологичности, поскольку не связано напрямую ни с «вольным» светом, ни с христианским миром. В отличие от таких слов-понятий, как *слава*, *воля*, *гордость* и нек. др., *горе* само по себе ни хорошо, ни плохо. Самая сильная и трагическая эмоция, вызванная тяжелыми событиями в жизни мира и человека, едина для праведных и грешников и потому, как мне представляется, находится по большей части вне аксиологической шкалы.

* * *

Таким в общем и целом видится образ «горя» в тех жанрах восточнославянского фольклора, где зафиксировано наибольшее количество контекстов со словами *горе*, *горевать*, *горький* и *горько* в их основных дериватах. Ниже я попытаюсь обобщить наиболее важные, на мой взгляд, аспекты этого слова-концепта.

1. Специфика каждого из рассмотренных жанров в разработке концепта «горе» проявляется в разной насыщенности горестными эмоциями

того или иного дискурса (ср., например, между собой похоронные причитания и былины), а также в том, что отдельные жанры сосредоточиваются на разных этапах горя или его преодоления (ср. между собой похоронные и свадебные причитания).

«Горе», в отличие от большинства других, ранее исследованных концептов, само по себе лишено аксиологического статуса (условно говоря, оно не может быть плохим или хорошим), хотя с помощью слов этого лексического гнезда передается эмоциональная оценка некоего события, персонажа или локуса.

2. *Горе* как типичное фольклорное слово обладает ярко выраженной многозначностью. В начале статьи я назвала три основных значения слова *горе*, которые обнаруживаются в дискурсе разных фольклорных жанров и особым образом взаимодействуют между собой: 'душевное страдание, глубокая печаль, скорбь', 'событие, обстоятельство, вызывающее душевные страдания' и 'плохо; беда'. Это третье значение заключено в распространенных в фольклоре и языке возгласах и междометиях типа *горе! горе мне, горе жить*, а также в наречиях *горько, горенько, горемычно* и т. п. Особенно сильно оно выражено в белорусских и украинских лирических песнях и духовных стихах.

Среди других значений, улавливаемых преимущественно в фольклорном, а не в диалектном дискурсе *горя*, отмечу еще два. Во-первых, 'судьба', характерное прежде всего для песен о Горе, и, во-вторых, 'весть, известие', наиболее часто фиксируемое в свадебном фольклоре в связи с распространением известия о помолвке девушки. *Горе* в свадебных контекстах, с одной стороны, обозначает именно новость о событии, а с другой — содержит эмоциональную оценку этого события со стороны невесты.

3. В фольклорном дискурсе «горе» субъектно и даже персонифицировано, особенно ярко в песнях о Горе, но также и в похоронных причитаниях. Подобное «горю» олицетворение эмоций и их активность как субъектов действия — не самая типичная черта восточнославянского фольклора, прежде она была отмечена лишь у таких слов-концептов, как *тоска* и *воля*.

4. В восточнославянском фольклоре «горе» соотносится с двумя важнейшими для традиционной культуры понятиями. Во-первых, это доля/судьба/участь/талан и жизнь. Даже без учета песен о Горе, которые по сути уравнивают между собой судьбу и горе, в других жанрах эта корреляция

также имеет место, но особенно ярко она проявляется в народной лирике и похоронной причети. Она выражается разными способами: от почти полного отождествления понятий и образования соответствующих биномов (ср.: «Уж иде бусурмански сын, Шарк-великан прикручинившись, / Про свою горемычную *жизнь-горе* пороздумавшись» [79, ч. 3. с. 128]) — до широкого использования словосочетаний существительного с прилагательным и глагола с наречием типа *участь горе-горькая* или *горько жить*.

Другое понятийное гнездо, тесно связанное со словом *горе*, — это чуждость. Всякое соприкосновение традиционного человека с «чужим» (будь то чужая страна, чужое село или чужая семья) и — еще чаще — его перемещение из «своего» в «чужое» географическое или социальное окружение оборачивается «горем» — и событийным, и эмоциональным: «Завёз ты мяне, дзе роду няма. / Дзе роду няма — чужая старана. / Некуды выйсьці, пагаварыці, / Свае горячка развесяліці» [74, с. 189]. Таким образом, в отличие от пары *горе – жизнь*, «чужое» обычно не отождествляется с «горем», а скорее становится его своеобразным триггером или предвестием.

Особенно убедительна корреляция «горя» и «чужого» в лирической песне и во всех жанрах причети, сопровождающих смену статуса, которая эмоционально оценивается человеком как «горе». Чаще всего горевание сюжетно следует за перемещением человека в чужие края и к чужим людям: «...отдать во чужи люди, / На великую во горесть, на великую заботушку» ([109, т. I, вып. 2, с. 495], Новгород.); «Ненько моя пишна!.. / Даеш мене на чужину, / Щоб я горювала» ([34, с. 189], укр.).

Чуждость передается рядом однокоренных слов или словосочетаний с их участием, ср. такие слова и выражения из фольклорного дискурса, как: *чужина, чужие люди, чужая сторонушка, чужой край, чужие дворы, чужие детки, чужой свекр, чужа свекра, чужой сын отецкий, чужі жінки, чужі руки* и т. д. Самое частотное в этом ряду словосочетание *чужая сторона/сторонушка* получает в фольклорном тексте дополнительные эпитеты, усиливающие негативный потенциал *горя*, — *ознобна, дальняя* и др.: «Наполивана чужая ознобна сторонушка / Горькими слезами горячими» ([79, ч. 3. с. 86], Пудож.); «Не спала я да во сне видела, / Что да чужу-то дальну сторонушку <...> / Я да чужа горька дожидалася» ([36, с. 83], урал.).

5. В фольклорном дискурсе слово *горе* и его дериваты чаще всего функционируют в составе словосочетаний и клише. Такая ситуация характерна

для языка в целом, где отмечено множество оборотов со словами на *гор-* (см. их репрезентативную подборку в: [64, с. 153–154]). Однако при немалом объеме совпадений общезыковых и диалектных оборотов с фольклорным дискурсом последний содержит множество своих, внутрифольклорных клише, которые в языке и диалектах либо не встречаются, либо исключительно редки, ср. *посеять горе, рассказать горе, объявить горе, разбить горе, умереть горем, положить горе на себя, набраться горя, слышать/чуять горе, впустить горе, убавить горя, горе учит* и мн. др. Иногда общезыковые и фольклорные клише, сохраняя между собой смысловое единство, могут различаться лексическим выражением (ср. *горе погубило — горе сокрушило; помочь горю — пособить горю*), наличием общезыкового клише и его фольклорных производных и дериватов (*горе мыкать — горемычно, горемышница; горько плакать — горенько плакать*) и т. д. Часть этих устойчивых выражений имеет общесловесный характер, другая — внутрижанровый.

6. В развитие только что высказанного наблюдения замечу, что особую группу «фольклоризмов» составляют словосочетания прилагательного *горький* в трех его переносных значениях, зафиксированных в языке и диалектах, — ‘исполненный горя’, ‘вызванный горем’ и ‘тот, жизнь которого наполнена горем’, которые усилены за счет исходного значения ‘едкий, противоположный сладкому’. Фольклорный дискурс использует эпитет *горький* широко и свободно, добавляя с его помощью эмоциональную составляющую в самые разные, порой неожиданные события и элементы окружающего мира. В результате *горькими* в фольклоре оказываются не только *жизнь, доля/талан/участь, слезы, кукушка* или *вдова с сиротой*, но и сам *мир/свет*, а также *путь, тьма/ад, смерть, замужество, свадьба, место, причет, песня, слово, голос, дочь, мать, жена, невеста, матросы, сердце, руки* и др.

7. В составе некоторых жанров (лирика, баллады, причет) дериваты слова *горе* используются в качестве номинаций и автономинаций персонажей — лирической героини, невесты, вдовы, сироты и др. И хотя такие номинации, образованные с помощью эмотивной лексики, в фольклоре в принципе известны (*моя радость*, например), производные от *гор-* в этом смысле заметно выделяются на фоне других слов-концептов своим масштабом и разнообразием.

8. *Горе* исключительно редко входит в состав сложных метафорических и сравнительных оборотов. Можно указать лишь несколько таких

случаев в составе огромного корпуса контекстов. В севернорусском похоронном «горе» женщины, провожающей мужа, воплощается в образе бездонной реки: «Как я жила да горевалася, / Нету слов — а *горя реченька*, / *Горя реченька бездонная*» [52, с. 463]. В нижегородской свадебной песне невеста описывает сон, в котором она ранит руки, хватаясь за острую осоку, и, лишь проснувшись, понимает: «И хваталась я, ималася / За свое-то горе горькое; / Не осокой мне обрезало, / А обрезало у молодехоньки / Печалью лютою, великою» [109, т. I, вып. 2, с. 695].

9. Отмечу относительно небольшое количество биномов (или парных слов) с участием дериватов слова *горе*. Я уже упоминала о парах типа *жизнь-горе*; к достаточно редким относятся также *горе-заботушка*, *горе-бѣда*, *горе-обида*, *тоска-горе* (*горюю-тоскую*), *горе-несчастье*, *бессчастье* (*горькая-несчастливая*, *горькая-бессчастливая*), *печаль-горе* и более частые *горе-кручина*, а также соединение дериватов слов *горе* и *зло* типа *горькая-злосчастная*, *горе-злосчастный*, *зло-горесть*, *злодей-горе* и ему под.: «Приклонюсь я к кудрявой белой березыньке / И расскажу ей все злодей-горе великое» ([104, с. 78], Новгород.).

10. Фактически те слова составляют корпус синонимов слова *горе* и его дериватов: «Ах ты моё горушка, гореваница моё, / Ай да пацирала я удруг здорюица своё, / Ай да за раўнивым человеком живучи, / Ай да на сярдзечки печаль-гора диржучи» [108, с. 242], «Нету Марыньки в роду горчей, да / Не... нет Ивановне бесчастней всех» ([47, с. 224], Самар.). В одном синонимическом ряду может оказаться не только пара слов, но также и три, и четыре, как, например, в причитаниях: «На шож ви мене кидаете — на горе, та на нещастя, та на велике безталання» [90, с. 100]; «Вся прошла да моя жизнь великая <...> / Всё в нужде жила да в горе, в бедности, / Уж во всякой да бедной скудости» [52, с. 116]. Такое расширение синонимических коррелятов основного слова ранее было отмечено для рус. *тоска*.

11. Антонимы *горя* и его дериватов более разнообразны. *Горе* противопоставляется положительным эмоциям, благополучию, статусности и связанным с ними формам поведения — радости и веселью, гулянию и красованию, панованию/царствованию и жированию; а «горечь» — хорошему и сладкому (то же в паремиях):

– горе – веселье/радость, горевать – веселиться: «Не вспоминайте меня злом-горестью, / А вспоминайте меня весельем-радо-

стью» ([28, с. 171], Прикамье; свадебная); «Уж как этим ли чужим людям, / Мои слезы сладким кажутся, / Мое горе — им весельецо, / Мне кручинушка — им радости» ([109, т. 1, вып. 2, с. 648], Ярослав., свадебная); «Ми його <Христа> рождению усі веселимся <...> / Щоби нам зволив він щасливий вік дати, / Прожити багато та й не горювати» ([70, с. 84], Сумск., колядка);

– гулять – горевать: «Як паехаў Ванечка за мора гуляць, / А мяне пакінуў гора гаравачь» [75, с. 345];

– красоваться – горевать: «Роскажу про житье-бытье про красование с чужими малымя(и) детками, не красованьем красовать, горем я горевать, пристать за меня некому, наступить на меня ес(т)ь кому» ([91, с. 4], Перм.);

– жировать – горевать: «Ой ты селезень, а я вуточка; / Ой ты полетишь, а я туточка, / Ой ты полетишь на жирование, / А мне кинешь на горевание, / Ой ты будешь там жировати, / А я буду тут горевати» ([84, с. 11], Гомел.);

– царствовать/пановать – горевать: «Сыйшел сам Гасподь Бог души прывирять — / Праведныя души в Раю царствуют, / А грешныя души горя горюют» ([99, с. 470], помин. стих); «Не одну долю учинила: / Тобі, брате, панувати, / А мні, бідній, горювати, / Хліба й солі заробляти» [21, с. 398];

– хороший – горький: «Уж я стану тут у тя выпрашивать, / Про житье хороше у тебя выведывать, / Про горьку участь буду рассказывать» ([52, с. 140], по матери, уехавшей далеко);

– сладкий – горький, сладко – горько: «Мима царства я хажу, горька плачу и гляжу. / Царства прикрасна сладка зрю и пригорька гаваю: / Царства света дом святой, грешных не примаить он. / Ты прашшай, прикрасный рай, миня ведут в иной же край» ([99, с. 496], помин. стих).

12. В фольклорном дискурсе *горе* и его частеречные варианты активно участвуют в процессах аттракции, опирающейся на присутствие в языке большого количества слов на *гор-*, *гро-*, *гра-* и т. п. Такие пары могут составляться из слов одной и той же и разных частей речи.

Самую репрезентативную пару составляют слова *горючий/горячий* (<*гореть*>), связанные с *горе* этимологически, но при этом семантически довольно далеко разошедшиеся. Так, к *гореванию* регулярно «притягиваются» *горючие* или *горячие* слезы: «Растосковалося сердечушко, / Разгоревалося

ретивое <...> / И заплакали очи ясны, / Потекли да горючи слезы» ([109, т. I, вып. 2, с. 511], Новгород.). *Горячие/горючие* слезы могут одновременно пониматься и как *горькие*, вызванные *горем* и/или *горькие* на вкус: «Бежать горькия слезы горечия!» ([53, с. 145], Архангел.), которые, в свою очередь, «притягивают» к себе *горячую* кровь: «Все бежать мои слезы горькия, / Каки болит то мое сердечушко, / Как кипит да кровь горячая» [103, с. 3]. «Горючесть»/«горячесть» может при этом отрываться от своего носителя (*слезы*) и характеризовать не объект, а действие (*горевание*): «Что на третью неделюшку / Соскучюсь-стосковалася, / Горюче сгоревалася» ([86, т. I, с. 49], Архангел.), и т. д.

Другой весьма продуктивный партнер *горя* в процессе аттракции — слово *гора*. Образ горы появляется в свадебном фольклоре, в рассказах невесты о приснившихся ей горах, которые толкуются ее близкими как испытание и предвестие несчастья: «Уж как три-то сна мне приснилось: / Уж как первый сон — круты горы <...> / — Расподруженька, разголубушка <...> / Уж круты горы — твое горя» ([86, т. I, с. 160], Владимир.); «Уж такой ли мне сон привиделся: / Ходила я по горам, по крутыим, / Собирала я круты ягоды. / Что круты горы — мое горе. / Круты ягоды — мои слезы» ([76, с. 188], Ярослав.). Пара *горе* – *гора* иногда формирует образную основу лирического сюжета: «Горушка мая крутая, / Горушка мае бальшое. / Ніхто горушку не зроїць, / Ніхто горушка не зменїць <изменит>. / Мілы з горушкі збгаїць, / З плеч вядзёрушкі здымаїць, / У мяне горушка пытаїць. / — Ці ты, міленькі, не знаеш, / Што пра горушка пытаеш?..» ([102, с. 90], бел.).

Из других аттракций отмечу единичные, но более сложные: *горе* – *гортань* – *заграждатся*: «Ныне сердце мое все терзается <...> / И от горести гортань моя заграждаются» ([48, с. 210], «О Страстех Господних»); *горько* – *громко*: «Нету грушицы в бору громчей, да / Не... нету Марьины в роду горчей» ([47, с. 224], Самар.) и др.

13. В похоронных и свадебных причитаниях из дериватов слова *горя* иногда выстраивается смысловой, эмоциональный и образный стержень, на котором держится весь сюжет: «Размилый ты мой закон, свет Иванушка! <...> / Зацем горюшко во терем впустил?.. / Ох горя мои, горя великии, / Уж с этих ли горев великоих <...> / Опустились да у горюши белы рученьки <...> / Каковое у меня горе накатилося! / Невзнадай ты, горе, навалилося!» ([101, с. 5], Владимир.); «А напекла моя матушка / Много пирогов да пряже-

ников <...> для горемычного плаканьица. / Отдает меня батюшка во лихое замужество <...> / Во горькое, во проклятое. / Вы идите-ка жалуйте, соседушки <...> / Ко мне на горе, на кручину» ([35, с. 12], Вологод.).

Список литературы

Исследования

- 1 Аникин А.Е. Русский этимологический словарь. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2007-. Вып. 1-.
- 2 Гин Я.И. Поэтика грамматического рода. Петрозаводск: КГПИ, 1992. 167 с.
- 3 Гулянков Е.В., Гулянкова Т.И. Функционирование лексем *слеза* и *горе* в русской и французской народной лирической песне // Лингвофольклористика. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2017. Вып. 25. С. 37-43.
- 4 Ильина Ю.Н. Севернорусские похоронно-поминальные причитания: лингвокогнитивный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2008. 26 с.
- 5 Козырев В.А. Словарные параллели к лексике «Слова о полку Игореве» в современных брянских и других народных говорах // Брянские говоры. Л.: Наука, 1975. Вып. 3. С. 56-148.
- 6 Миллер О.Ф. Заметка // Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. СПб.: Тип. А. Семенова, 1867. Ч. IV. С. III-XLVI.
- 7 Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. М.: Наука, 1993. 187 с.
- 8 Никитина С.Е. Человек и социум в народных конфессиональных текстах (лексикографический аспект). М.: Ин-т языкознания РАН, 2009. 354 с.
- 9 Панченко А.М. Повесть о Горе-Злочастии // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. Вып. 3: XVII в. Ч. 3. С. 106-110.
- 10 Петров А.М. Синтаксис русских духовных стихов. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2012. 164 с.
- 11 Потебня А.А. Объяснения малорусских и сродных народных песен. Варшава: В тип. М. Земкевича, 1887. Ч. 2: Колядки и щедровки. 810 с.
- 12 Ржига В.Ф. Повесть о Горе-Злочастии и песни о Горе // Slavia. 1931. Вып. 1. С. 40-66; Вып. 2. С. 288-315.
- 13 Слово о полку Игореве / подгот. текста, перевод и коммент. О.В. Творогова // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т. 4: XII век. 687 с.
- 14 Смирнов Ю.И. Восточнославянские баллады и близкие им формы. Опыт указания сюжетов и версий. М.: Наука, 1988. 116 с.
- 15 Сурикова О.Д., Толстая С.М. «Причитанья Северного края» Е.В. Барсова. Исследования и материалы к словарю. М.: Индрик, 2024. 696 с.
- 16 Федотов Г. Стихи духовные. Русская народная вера по духовным стихам. М.: Гнозис, 1991. 192 с.

Источники

- 17 Андроников В.А. Свадебные причитания Костромского края со стороны содержания и формы. Тверь: Тип. губ. правления, 1905. 62 с.
- 18 Аникин В.П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. М.: Гос. уч.-пед. изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1957. 240 с.
- 19 Архангельские былины и исторические песни, собранные А.Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: в 3 т. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1910. Т. 3: Мезень. 732 с.
- 20 Балади. Коханння та дошлюбні взаємини / упор. О.І. Дей, А.Ю. Ясенчук, А.І. Іваницький. Київ: Наукова думка, 1987. 472 с.
- 21 Балади. Родинно-побутові стосунки / упор. О.І. Дей, А.Ю. Ясенчук, А.І. Іваницький. Київ: Наукова думка, 1988. 528 с.
- 22 Балады: ў 2 кн. / рэд. К.А. Кабашнікаў, В.І Ялатаў. Мн.: Навука і тэхніка, 1977–1978. Кн. 1–2.
- 23 Балашов Д.М., Марченко Ю.И., Калмыкова Н.И. Русская свадьба: Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтьюге (Тарногский район Вологодской области). М.: Современник, 1985. 390 с.
- 24 Банин А.А., Вадакария А.П., Жекулина В.И. Свадебные песни Новгородской области. Л.: Лениздат, 1974. 90 с.
- 25 Беломорские былины, записанные А. Марковым / с предисл. В.Ф. Миллера. М.: Т-во скоропечатни А.А. Левенсон, 1901. 618 с.
- 26 Белорусские песни, собранные И.И. Носовичем // Записки Русского географического общества по Отделению этнографии. СПб.: Тип. Майкова, 1873. Т. 5. С. 45–280.
- 27 Богданов М.С. Домашняя жизнь, нравы и некоторые обычаи поморов // Известия Архангельского общества изучения русского севера. 1910. № 24. С. 40–45.
- 28 Болдырева В.Г., Толкачева С.В. Русская свадьба Среднего Прикамья. Ижевск: Изд-во «Шелест», 2018. 302 с.
- 29 Брянский областной словарь / отв. ред Н.И. Курганская. Брянск: [б. и.], 2011. 362 с.
- 30 Былины и песни Алтая: Из собр. С.И. Гуляева / [сост. и авт. вступ. ст. Ю.Л. Троицкий]. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1988. 390 с.
- 31 Былины М.С. Крюковой / зап. и коммент. Э. Бородиной, Р. Липец. М.: Изд. ГЛМ, 1939. Т. 1; 1941. Т. 2.
- 32 Былины Севера / записи, вступ. ст. и коммент. А.М. Астаховой. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. Т. 1: Мезень и Печора. 656 с.
- 33 Великорусские народные песни: в 7 т. / изд. проф. А.И. Соболевским. СПб.: [б. и.], 1895–1907.
- 34 Весільні пісні / упоряд. М.М. Шубравська. Київ: Дніпро, 1988. 475 с.

- 35 Вологодский фольклор. Народное творчество Сокольского района / сост. И.В. Ефремова. Вологда: Северо-западное кн. изд-во, 1975. 263 с.
- 36 *Востриков О.В.* Традиционная культура Урала. Этноидеографический словарь русских говоров Свердловской области. Екатеринбург: Свердловский областной Дом фольклора, 2000. Вып. II: Народная свадьба. 212 с.
- 37 Вяселле. Песні у 6 кн. Мінск: Навука і тэхніка, 1980. Кн. 1 / [склад. Л.А. Малаш; муз. дадат. З.Я. Мажэйка; рэд. М.Я. Грынблат, А.С. Фядосік]. 680 с.
- 38 *Галайчук В., Гарасим Я., Денисюк І.* Фольклорні записи з Полісся // Вісник Львів. ун-ту. Серія філол. 2003. Вип. 31. С. 247–291.
- 39 *Гнатюк В.* Угросурські народні вірші. Львів: Друк. Научного товариства ім. Шевченка, 1902. 274 с.
- 40 *Даль В.* Пословицы и поговорки русского народа. СПб.: ТОО «Диамант», 1997. 544 с.
- 41 *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955. Т. I–IV. (Репринт. воспроизведение изд. 1880–1882 гг.).
- 42 *Дерунов С.Я.* Приложение к статье «Село Козьмодемьянское Щетининской волости Пошехонского уезда» // Ярославские губернские ведомости Ч. неофиц. 1891. № 11–16.
- 43 *Добровольский В.Н.* Смерть, похороны и причитания. (Этнографический материал Калужской губернии) // Живая старина. 1900. Вып. 1–2. С. 292–295.
- 44 *Добрынкина Е.* Бытовая жизнь крестьянки в Муромском уезде // Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета. 1875. Т. 1, вып. 1. С. 119–130.
- 45 Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. 2-е изд., доп. / подгот. А.П. Евгеньева и Б.Н. Путилов. М.: Наука, 1977. 488 с.
- 46 *Друцкая М.В.* Народные духовные стихи Тамбовской области конца XX – начала XXI века: учебно-методическое пособие. Казань: Бук, 2018. 102 с.
- 47 Духовное наследие народов Поволжья: живые истоки: Антология. Самара: Изд-во СамГПУ, 2015. Т. IV: Русская свадьба Самарской губернии. Ч. I / авт.-сост. И.А. Касьянова. 684 с.
- 48 Духовные стихи Русского Севера / сост. В.П. Кузнецова; сост. нот. прил. Г.В. Лобкова, М.Н. Шейченко. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2015. 800 с.
- 49 *Едемский М.Б.* Свадьба в Кокшенье Тотемского у. / сост., подгот. текста и коммент. М.А. Вавиловой, Н.И. Смольникова. Вологда: Легия, 2002. 226 с.
- 50 *Ефименкова Б.Б.* Севернорусская причеть: Междуречье Сухоны и Юга и верховья Кокшенги (Вологодская область). М.: Сов. композитор, 1980. 392 с.
- 51 *Житецкий П.* Мысли о народных малорусских думках. Киев: Киев. старина, 1893. 250 с.

- 52 Избранные причитания [Текст] / подгот. текста и вступ. ст. В. Базанова. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Фин. ССР, 1945. 130 с.
- 53 *Истомин Ф.* О причитаниях и плачах, записанных в Олонецкой и Архангельской губерниях // Живая старина. 1892. Вып. 3. Отд. 2. С. 139–145.
- 54 Калеки переходные. Сборник стихов и исследование П. Бессонова. М.: В тип. А. Семена, 1861–1864. Вып. 1–6.
- 55 Киевская старина. Киев, 1882–1907.
- 56 *Колесникова С.В., Корнилов Г.Е., Лотря Л.В.* Словарь русских говоров Чувашской Республики. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2003. 228 с.
- 57 Кому повем печаль мою: Духовные стихи Верхокамья. Исследования и публикации / под ред. И.В. Поздеевой. М.: Данилов ставропигиальный мужской монастырь, 2007. 330 с.
- 58 *Корепова К.Е.* Русская свадьба в Нижегородском Поволжье. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2019. 664 с.
- 59 *Кузнецова В.П., Логинов К.К.* Русская свадьба Заонежья: Конец XIX – начало XX в. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2001. 328 с.
- 60 *Листопадов А.* Старинная казачья свадьба. Ростов: Ростиздат, 1947. 120 с.
- 61 *Лукашевич П.А.* Малороссийские и червонорусские народные думы и песни. СПб.: Тип. Э. Праца и К°, 1836. 170 с.
- 62 *Малиновский Л.* Причитанья или заплачки по умершим // Олонецкий сборник: Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Петрозаводск: В губернской тип., 1886. Вып. 2. С. 42–47.
- 63 *Метлинский А.* Народные южнорусские песни. Киев: Унив. тип., 1854. 472 с.
- 64 *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русских поговорок. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 783 с.
- 65 Народные баллады / вступ. ст. и подгот. текста Д. Балашова. М.; Л.: Сов. писатель, 1963. 447 с.
- 66 Народные песни Галицкой и Угорской Руси, собранные Я.Ф. Головацким. М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1878. Ч. 1–3.
- 67 *Никольский В.* Нравы и обычаи жителей села Владыкина // Пензенские епархиальные ведомости. 1883. № 11. С. 23–34.
- 68 *Носович И.И.* Словарь белорусского наречия. СПб.: Отд-ние рус. яз. и словесности Акад. наук, 1870. 756 с.
- 69 Областной словарь вятских говоров / под ред. В.Г. Долгушева, З.В. Сметаниной. Киров: Коннектика; Изд-во ВятГГУ; Радуга-ПРЕСС, 1996–. Вып. 1–.
- 70 *Обрядові пісні Слобожанщини (Сумський регіон) / Фольклорні записи та упорядкування В.В. Дубравіна.* Суми: Університетська книга, 2005. 447 с.
- 71 Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1873. 133б с.

- 72 Описание Российской империи в историческом, географическом и статистическом отношениях. СПб.: [В тип. Конрада Вингебера], 1845. Т. 1. Кн. 3: Олонецкая губерния. 108 с.
- 73 Пахаванні. Памінкі. Галашэнні / рэд. кал.: Фядосік А.С. (гал. рэд.) і інш. Мінск: Навука і тэхніка, 1986. 613 с.
- 74 Песні Беласточчыны / уклад. М. Гайдук. Мінск: Беларуская навука, 1997. 367 с.
- 75 Песні пра каханне / [склад., сістэматызацыя тэкстаў, уступ, артыкул і камент. І.К. Цішчанкі]. Мінск: Навука і тэхніка, 1978. 615 с.
- 76 Песни и сказки Ярославской области / ред. Э.В. Померанцева. Ярославль: Кн. изд-во, 1958. 360 с.
- 77 Песни о Горе // Повесть о Горе-Злочастии / изд. подгот. Д.С. Лихачев, Е.И. Ванеева. Л.: Наука, 1984. С. 41–77.
- 78 Песни русского народа (собраны в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 году) / записали Ф.М. Истомин, Г.О. Дютш. СПб.: Имп. Рус. геогр. о-во, 1894. 214 с.
- 79 Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. СПб.: Тип. А. Семена, 1861–1867. Ч. 1–4.
- 80 Печорские былины / зап. Н. Ончуков. СПб.: Тип.-лит. Н. Соколова и В. Пастор, 1904. 424 с.
- 81 Пісні Поділля: Записи Несті Присяжнюк в селі Погребище. 1920–1970 рр. / сост. С.В. Мишанич. Київ: Наукова думка, 1976. 523 с.
- 82 Пісні Явдохи Зуїхи / упор., передмова та примітки В.А. Юзвенко, М.Т. Яценко. Київ: Наукова думка, 1965. 810 с.
- 83 Псковский областной словарь с историческими данными / под ред. Л.А. Ивашко, И.С. Лутовиновой, М.А. Тарасовой. Л.; СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1967–. Вып. 1–.
- 84 Радченко З. Гомельские народные песни // Записки Императорского русского географического общества по Отделению этнографии. СПб.: В тип. В. Безобразова, 1888. Т. 13. Вып. 2. 266 с.
- 85 Русская народная поэзия. Эпическая поэзия / вступ. ст., предисл., коммент. Б. Путилова. Л.: Худож. лит., 1984. 440 с.
- 86 Русская свадьба / сост. А.В. Кулагина, А.Н. Иванов. М.: Гос. респ. центр рус. фольклора, 2000. Т. 1, 2.
- 87 Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в. / сост., подгот. текстов, ст. и коммент. А.Л. Топоркова. М.: Индрик, 2010. 832 с.
- 88 Русские свадебные приговоры в архивных коллекциях XIX – первой трети XX в. / сост., вступ. ст., подгот. текстов, коммент. Ю.А. Крашенинниковой. М.: Индрик, 2021. 711 с.
- 89 Сборник русских духовных стихов / сост. В. Варенцовым. СПб.: Д.Е. Кожанчиков, 1860. 248 с.

- 90 *Свенцицький І.* Похоронні голосія // Етнографічний збірник. Львів: З друкарні Наукового Товариства імені Шевченка, 1912. Т. 31–32. С. 1–426.
- 91 *Серебренников В.* Похоронные обычаи и причитания по умершим у крестьян Стряпухинской волости Оханского уезда. Пермь: [б. и.], 1918. 6 с.
- 92 *Словарь академии российской, по азбучному порядку расположенный.* СПб.: При Имп. Акад. наук, 1806–1822. Ч. 1–5.
- 93 *Словарь русских говоров на территории Мордовской АССР (Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия): в 8 т. / под ред. Р.В. Семенковой.* Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1978–2006. Т. 1–8.
- 94 *Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин (вып. 1–22); Ф.П. Сороколетов (вып. 23–42); С.А. Мызников (вып. 43–).* М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–. Вып. 1–.
- 95 *Словарь русского языка XI–XVII вв.* М.: Наука, 1975–. Вып. 1–.
- 96 *Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп.* М.: Русский язык, 1981–1984.
- 97 *Словарь русского языка XVIII века / ред. С.Г. Бархударов. Л.; СПб.: Наука, 1984–. Вып. 1–.*
- 98 *Словник української мови: у 11 т. / за ред. І.К. Білодіда.* Київ: Наукова думка, 1970–1980.
- 99 *Смирнов В.* Народные похороны и причитания в Костромском крае // Второй этнографический сборник. Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Кострома, 1920. Вып. 15. С. 21–126.
- 100 *Смоленский музыкально-этнографический сборник.* М.: Индрик, 2003. Т. 2: Похоронный обряд. Плачи и поминальные стихи / отв. ред. О.А. Пашина, М.А. Енговатова. 548, [2] с.
- 101 *Соболев А.* Причитанья над умершими Владимирской губернии. М.: Унив. тип., 1912. 12 с.
- 102 *Сямейна-бытавыя песні / [ред. тома А.С. Фядосік].* Мінск: Навука і тэхніка, 1984. 752 с.
- 103 *Ульянов И.И.* Материнские заповедания. (Из материалов, собранных на войне). Петроград: Тип. Т-ва А.С. Суворина, 1915. 16 с.
- 104 *Фольклор Новгородской области: История и современность. По материалам фольклорного архива Новгородского университета за 30 лет / сост. О.С. Бердяева.* М.: НовГУ, 2005. 331 с.
- 105 *Фольклор Русского Устья / подгот. С.Н. Азбелев и др. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1986. 382 с.*
- 106 *Фольклорні осередки Харківщини / упор. К. Дорохова, В. Осадча, Н. Плотник.* Харків: Регіон-інформ, 2002. 380 с.
- 107 *Шайжин Н.С.* Похоронные обычаи и приплач в с. Нигижме (Пудожского у.) // Олонецкие губернские ведомости. Ч. неофиц. 1902. № 121. С. 3.

- 108 *Шейн П.В.* Белорусские песни, с относящимися к ним обрядами, обычаями и суевериями. СПб.: Тип. Майкова, 1874. 566 с.
- 109 *Шейн П.В.* Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. СПб.: Изд. Имп. Акад. наук, 1898. Т. 1. Вып. 1. 1900. Вып. 2.
- 110 Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачева, А.Ф. Журавлева, Ж.Ж. Варбот. М.: Наука, 1974–. Вып. 1–.
- 111 Ярославский фольклор, дооктябрьский / сост. Б.Н. Быстров и Н.Е. Новиков. Ярославль: Обл. изд-во, 1938. 256 с.

References

- 1 Anikin, A.E. *Russkii etimologicheskii slovar'* [*Russian Etymological Dictionary*], vol. 1–. Moscow, Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi Publ., 2007–. (In Russ.)
- 2 Gin, Ia.I. *Poetika grammaticheskogo roda* [*Poetics of Grammatical Gender*]. Petrozavodsk, KGPI Publ., 1992. 167 p. (In Russ.)
- 3 Guliankov, E.V., and T.I. Guliankova. “Funktsionirovanie leksem sleza i gore v russkoi i frantsuzskoi narodnoi liricheskoi pesne” [“The Functioning of the Lexemes ‘Sleza’ (Tear) and ‘Gore’ (Grief) in Russian and French Folk Lyric Songs”]. *Lingvofol'kloristika*, issue 25, 2017, pp. 37–43. (In Russ.)
- 4 I'ina, Iu.N. *Severnorusskie pokhoronno-pominal'nye prichitaniia: lingvokognitivnyi aspekt* [*Northern Russian Funeral and Memorial Laments: A Linguocognitive Aspect: PhD Thesis, Summary*]. St. Petersburg, 2008. 26 p. (In Russ.)
- 5 Kozyrev, V.A. “Slovarnye paralleli k leksike ‘Slova o polku Igoreve’ v sovremennykh brianskikh i drugikh narodnykh govorakh” [“Dictionary Parallels to the Lexicon of ‘The Tale of Igor’s Campaign’ in Modern Bryansk and Other Folk Dialects”]. *Brianskie govory* [*Bryansk Dialects*], issue 3. Leningrad, Nauka Publ., 1975, pp. 56–148. (In Russ.)
- 6 Miller, O.F. “Zametka” [“Note”]. *Pesni, sobrannye P.N. Rybnikovym* [*Songs Collected by P.N. Rybnikov*], part IV. St. Petersburg, Tipografiia A. Semen Publ., 1867, pp. III–XLVI. (In Russ.)
- 7 Nikitina, S.E. *Ustnaia narodnaia kul'tura i iazykovoe soznanie* [*Oral Folk Culture and Linguistic Consciousness*]. Moscow, Nauka Publ., 1993. 187 p. (In Russ.)
- 8 Nikitina, S.E. *Chelovek i sotsium v narodnykh konfessional'nykh tekstakh (leksikograficheskii aspekt)* [*Man and Society in Folk Confessional Texts (Lexicographical Aspect)*]. Moscow, Institute of Linguistics RAS, 2009. 354 p. (In Russ.)
- 9 Panchenko, A.M. “Povest' o Gore-Zlochastii” [“The Tale of Woe-Misfortune”]. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi* [*Dictionary of Scribes and Bookishness of Old Rus'*], vol. 3: XVII v. [17th Century], part 3. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1998, pp. 106–110. (In Russ.)
- 10 Petrov, A.M. *Sintaksis russkikh dukhovnykh stikhov* [*Syntax of Russian Spiritual Verses*]. Petrozavodsk, Karelian Research Centre RAS Publ., 2012. 164 p. (In Russ.)
- 11 Potebnia, A.A. *Ob'iasneniia malorusskikh i srodnykh narodnykh pesen* [*Explanations of Little Russian and Related Folk Songs*], part 2: Koliadki i shchedrovki [Kolyadki and Shchedrovki]. Warszawa, Tipografiia M. Zemkevich Publ., 1887. 810 p. (In Russ.)
- 12 Rzhiga, V.F. “Povest' o Gore-Zlochastii i pesni o Gore” [“The Tale of Woe-Misfortune and Songs about Woe”]. *Slavia*, issue 1, 1931, pp. 40–66; issue 2, pp. 288–315. (In Russ.)
- 13 “Slovo o polku Igoreve” [“The Tale of Igor’s Campaign”], text prep., trans. and comment. by O.V. Tvorogov. *Biblioteka literatury Drevnei Rusi* [*Library of Old Rus' Literature*], vol. IV: XII v. [12th Century]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997. 687 p. (In Russ.)

- 14 Smirnov, Iu.I. *Vostochnoslavianskie ballady i blizkie im formy. Opyt ukazatelia siuzhetov i versii* [*East Slavic Ballads and Related Forms. An Attempt at an Index of Plots and Versions*]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 116 p. (In Russ.)
- 15 Surikova, O.D., and S.M. Tolstaia. "Prichitan'ia Severnogo kraia" E.V. Barsova. *Issledovaniia i materialy k slovariu* ["*Lamentations of the Northern Region*" by E.V. Barsov. *Research and Materials for a Dictionary*]. Moscow, Indrik Publ., 2024. 696 p. (In Russ.)
- 16 Fedotov, G. *Stikhi dukhovnye. Russkaia narodnaia vera po dukhovnym stikham* [*Spiritual Verses. Russian Folk Faith as Depicted in Spiritual Verses*]. Moscow, Gnozis Publ., 1991. 192 p. (In Russ.)